

Тим Ибрагимов

МОРСКАЯ
ИСТОРИЯ

18+

Тим Ибрагимов

Морская история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69190384

SelfPub; 2023

Аннотация

Представьте себя на берегу маленького острова. Вы сидите на голом песке и в полном одиночестве любуетесь морским прибоем. Но в какой-то момент волна принимает человеческий облик и присаживается рядом, чтобы подружиться. "Добрый день!" – говорит она. Фантастика, скажете вы? Вовсе нет. Всего лишь бурный полет фантазии главного героя, который познакомился с девушкой в голубом платье при очень необычных обстоятельствах.

Содержание

0	5
1	7
2	10
3	19
4	24
5	33
6	41
7	54
8	62
9	69
10	74
11	81
12	84
13	93
14	98
15	105
16	112
17	115
18	119
19	123
20	130
21	135
22	141

23

146

24

148

Тим Ибрагимов

Морская история

0

Честно признаться, я не перевариваю слово “любовь”. Звучит оно неприятно, хотя начинается вполне себе приемлемо. Первая буква хорошо задает тон своей мягкостью и звонкостью. Дальше же начинаются проблемы. Такое же звонкое, но твердое и шумное “бо” словно наносит тебе резкий удар в солнечное сплетение после мягкого “лю”. Пока ты корчишься от фонетической боли, выскакивает “вь” и плюет своей глухой мягкостью тебе в лицо. На этом все. Слово закончилось. Никакого удовольствия не возникло.

Что уж говорить о самом значении любви? Чем больше о ней рассуждаешь, тем дальше ты становишься от истины. Некоторые различают несколько видов любви и строят трехкомпонентные теории. Кто-то может уверенно заявить тебе, что вон та девушка со школы на самом деле не была объектом твоей любви, а лишь кратковременной влюбленностью. Несмотря на то, что любовь и влюбленность – это однокоренные слова, между ними все равно находят существенные различия. Возможно, чтобы оправдать себя перед безуспешной любовью, ей присваивают новые обидные имена и зна-

чения.

Я с ними не согласен. Уже давно я решил, что любовь – это болезнь. Болел я ей часто, но всегда искренне. Иммуни-тет так и не выработал. Неважно, сколько лет пройдет, я все равно буду помнить вирусные штаммы и симптомы, которыми когда-то переболел. Многие, наверное, спросят:

“Но у тебя есть девушка, невеста или жена, как ты можешь вспоминать прошлое?”

Я совсем не чувствую за это какой бы то ни было вины. Нет ничего постыдного в том, чтобы быть обезьяной из Си-нагавы и хранить в памяти имена девушек. В конце-то кон-цов! Никакой романтики я с ними не представляю. Всего лишь ценю память о них, которая и так рано или поздно откажет. Не мешайте мне наслаждаться остатками того, что есть.

Почитайте лучше Харуки Мураками. Шестой ряд и чет-вертая полка сверху. Книжный магазин “Ремарка”. За кассой стоит молодой и высокий парень. Шатен. В основном одева-ется в черное, но порой может прийти в мешковатой джинсо-вой рубашке, которую ему подарила одна из его “болезней”. Так вот, эта тоскливая рожа за кассовым аппаратом принад-лежит мне.

1

Утро не задалось с самого начала. Прежде, чем выйти на работу, я располагался в кресле “Поэни” прямиком из Икеи. Сложив ноги на журнальный столик “Лакк”, я неторопливо читал “Бойцовский клуб” в дешевом мягком переплете. Действительно, все это было до боли иронично.

Стоит ли говорить, что остальная часть моей комнаты также была полностью обставлена продукцией из именитого шведского магазина. Моя мать обожала мебель этого производителя и при первой же возможности заказывала огромное количество различных ящичков, полок и коробок черно-белого цвета.

Окно закрывали плотные затемняющие занавески со смешным названием “Ингимунда”. Они были бирюзового цвета, поэтому моя комната приобрела морской оттенок, когда я зашторился от яркого мартовского солнца.

Я сидел в этом мрачном аквариуме, как рыбка среди декораций. Только у рыбок есть пластмассовые замки и маленькие сундучки с искусственным золотом на дне. Я же обитал в коробке полной минималистичной шведской мебели и бессовестно читал трансгрессивную литературу от Чака Паланика, где по сюжету главный герой объявил бойкот всем проявлениям домашнего быта. В какой-то момент я начал понимать болезненное положение книги в этой комнате и при-

слушался к ней.

– Хватит! – кричала она.

– Ладно! – ответил я.

Я начал вставать со своего насиженного места. Однако терпение книги лопнуло раньше, чем я успел подняться. “Бойцовский клуб” в мягком переплете выскочил у меня из рук, ударился о стол и свалился под кресло.

– Я не могу в это поверить... – тихо пробормотал я.

Я не мог в это поверить. Смотреть на испорченную книгу – самая бесчеловечная пытка. Я всегда был очень осторожен с этими бумажными изделиями и хранил их в идеальных условиях. От восемнадцати до двадцати двух градусов Цельсия. Уровень относительной влажности до шестидесяти процентов. Расстояние от верха книги до полки должно быть не менее двух сантиметров. Необходимо избегать тесного прилегания томов друг к другу.

Персонажи Чака Паланика давно вломили бы мне за подобную педантичность. Впрочем, так оно и произошло с моральной точки зрения. Книга этого автора прямо сейчас лежала на ковре “Стоэнсе” с помятым краем обложки.

Я должен срочно начать собираться на работу. Тем не менее я продолжал стоять на месте и впиваться глазами в мягкий мятый переплет. Мысли о книге не давали мне покоя. Я не хотел даже прикасаться к ней, но и спокойно продолжать заниматься своими делами я тоже не мог. С гримасой полной боли и отчаяния я обернулся на свою книжную полку.

Все любимые мной книги ровно стояли на ней в идеальном состоянии. “Бойцовскому клубу” теперь не было места среди них, не иначе. Конечно, по моей вине.

Постояв несколько мгновений, я все же смог отойти от места происшествия и неуверенным шагом направиться к своему рабочему столу. Я шумно открыл металлический ящик с канцелярскими принадлежностями и достал из него макетный нож. Не спеша заменил старое лезвие на новое. Скажем так – чтобы наверняка. Теперь оно блестело.

Как там говорилось в книге? Приготовиться к эвакуации души через десять, девять...

2

На фоне всего того, что происходило в магазине, томик Чака Паланика выглядел по-королевски прекрасно. Как шрамы украшают мужчин, так и элегантно вырезанный край обложки декорировал мою книгу. Разрез шел по обложке волнистой линией длиной в сантиметр. Я избавился от повреждения хирургическим методом, словно от гангрены. Самое радикальное решение для самого претенциозного романа. Эта инвалидная красота лежала недалеко от кассового аппарата в то время, как я мог наблюдать последствия истинной катастрофы.

В связи с внезапным мартовским потеплением снег таял неравномерно, и вместо того, чтобы стекать с кровли, скапливался на ней и просачивался сквозь покрытия. Таким образом весенняя капель без спроса заявлялась в книжный магазин “Ремарка”. Солнечные лучи, повысив температуру в помещении, стали сообщниками книжного геноцида. Влажность сильно подскочила и буквально растопила собой абсолютно все мягкие переплеты. Они набухли от воды. Стояли на своих местах, словно бумажные опухоли. Берешь книгу с полки, а она смотрит на тебя своими водянистыми жировиками и молит о пощаде.

– Нет! Только не списание! Хотя бы скидка в семьдесят процентов! Край – восемьдесят, – кричала рукопись.

Конечно, найдутся и те, кто купит книгу в таком плачевном состоянии. Но мало ли на свете таких заботливых хранителей неодушевленных предметов, как я? Мне кажется, что не так уж и мало.

Я тоскливо смотрел на то, как хозяйка магазина спорит с представителем городской службы. Аргументы с каждой стороны закончились еще несколько минут назад. Сейчас оба обменивались оскорблениями, как если бы они участвовали в турнире по моральному уничтожению соперника.

– Мыбра, в следующий раз будешь лучше следить за скопившимся снегом! – плевался усатый старичок в специальном оранжевом жилете со светоотражателями.

– Хрена с два, старикашка, это была твоя работа! – кричала женщина в коротком английском пиджаке.

Вивиана – так ее звали. Будучи старше меня всего на пять лет, она являлась хозяйкой этого магазина. Я часто спрашивал Вивиану о том, как она смогла повернуть такую бизнес-авантюру в столь юном возрасте. Всякий раз она пожимала плечами и отвечала, что ей просто повезло. Никаких подробностей.

Несмотря на разницу в возрасте и в занимаемых должностях, Вивиана всегда разговаривала со мной не как с подчиненным, а как с близким другом. Могла позволить себе проматериться или обсудить личную жизнь. Пару раз она приглашала меня на чашечку кофе, пару раз я приглашал уже

ее. Со временем мы приняли решение перестать видаться за пределами “Ремарки”, так как подобные встречи по большей степени выходили неловкими. Вивиана, как женщина умудренная опытом, нашла лазейку в этой ситуации и время от времени приносила с собой коньяк, чтобы распить его со мной после тяжелого рабочего дня. Чем тяжелее он был, тем больше мы пили, расположившись в комнате для персонала.

Закрыв магазин на новогодние праздники под конец декабря, мы почувствовали невыносимую тяжесть рабочего бытия, напились и уснули на чухлом диване в объятиях друг у друга. Весь персонал Вивиана отправила к своим семьям готовиться к Новому Году. По этой причине мы проснулись с ней только к обеду, полностью окоченев в плохо отапливаемом помещении.

– Скажи, пожалуйста, почему мы просто не поехали ко мне? – раздраженно говорила Вивиана тем утром.

Она сидела ко мне спиной на краю дивана и застегивала на себе рубашку. Даже на расстоянии было хорошо заметно то, как ее руки дрожали, словно Вивиана что-то вышивала спицами.

– Мы бы поступили не по правилам

Я спокойно переносил холод, но из-под старого вонючего пледа выбираться не собирался. Либо ленился, либо стеснялся. Быстрым и плавным движением я вынул руку и занес ее за голову, чтобы включить чайник.

– Ловкий ты, – одобрительно сказала Вивиана через ка-

кое-то время, не глядя на меня.

– Просто очень захотелось кофе.

Она резко обернулась ко мне, позабыв о своей расстегнутой рубашке, и выкатила на меня свои крупные глаза. Я встретился с ее недоуменным взглядом и меня моментально озарило понимание всей ситуации.

– Ты не о том, как я включил чайник, да?

Вивиана расхохоталась так сильно, что с меня чуть не сполз тяжелый советский плед. Я залез под него с похмельной головой, чтобы избавиться от лишнего шума и прождал так, пока Вивиана сама не приготовила мне кофе с булочками.

Нравилась ли мне высокая и опытная красотка с длинными каштановыми волосами и пленительно крупными глазами? Нет. Наверное. Знать это наверняка я, пожалуй, никак не мог.

Пока я ежедневно устраивал себе мозговой штурм на эту тему, Вивиана нашла себе парня-ровесника и перестала приносить на работу крепкие напитки. Пиво не более одного раза в месяц и вино по праздникам.

Старик в жилетке и Вивиана продолжали ожесточенно спорить между собой с целью найти виноватого. Если виноватым оказывался кто-то из них, то спор продолжался, так как такой результат не устраивал либо Вивиану, либо старика.

Все это быстро мне наскучило. Наспех выдуманные ими обзывательства меня не сильно интересовали, хоть порой и были безумно забавными. Сейчас я самозабвенно занимался тем, что жалел испорченные книги и в какой-то степени себя. Если предположить, что после каждого расставания с девушкой, я отрезал от себя неисправности различных размеров, то как много во мне осталось целой обложки? Хватит ли объема памяти на всех тех, кого я повстречал, и тех, с кем мне только предстоит познакомиться?

– Наглая обезьяна!

Помоги мне, обезьяна из Синагавы.

– Жижя навозная!

Кусок какой-то голубой ткани пролетел между книжными рядами. Наверное, призрак отца Гамлета сам явился отомстить за испорченные произведения Шекспира. Вновь забарабанила капель. Она текла с потолка и ритмично билась об подставленные пластиковые ведра. Я насчитал сорок четвертных ударов метронома в минуту.

– Ничтожная рабочая сила!

Ритм-секция в составе влажного ансамбля сменила свой темп. Такт музыки ускорился до пятидесяти ударов. Сердцебиение участилось. За спиной Вивианы то и дело проскакивал силуэт цвета морской волны.

– Бесперспективный идиот!

Ритм сравнился со скоростью секундной стрелки. Пульс ускорился. Я решил проверить себя и посмотрел на настен-

ные часы, которые висели позади меня. Все верно, в них больше не было никакой надобности. В первый и, возможно, в последний раз я обрел некую гармонию со вселенной. Теперь сама природа стала временем и ненадолго смогла заменить мне механические часы. Послышался треск пенопластовой плиты. Я начал считать.

Одна капле-секунда.

Две капле-секунды. Медленно, но верно бирюзовая тень обошла дальний ряд и свернула в мою сторону.

Четыре капле-секунды. Морская волна с человеческий рост приближалась ко мне.

Шесть капле-секунд. Она была явно выше, чем я мог себе представить.

Восемь капле-секунд. Столкновение неизбежно.

Как оказалось, девятая капле-секунда была последней в своем роде. После нее началась автоматная очередь из водяных гильз. Выпущенная обойма в двадцать восемь патронов заставила пенопласт кряхтеть от боли. Достигнув отметки в триста четвертных нот в минуту, водная стихия решила взять на себя ответственность и сделать первый шаг.

– Добрый день! – сказала Волна.

– Ну, чего же ты ждешь, тормоз перестройки? – напористо вопрошала Вивиана у старика. Жаль, я не слышал от нее этих слов раньше.

Плита треснула и залила несколько полок с книгами и различными товарами. Книжный ковчег даже не начинал стро-

иться, поэтому вдоль меня проплывала первая в мире бумажная эскадрилья с Библией во главе.

– Здравствуйте, – машинально сказал я, не отводя взгляда от подобного зрелища.

– Ой, я могу вам как-то помочь? – сочувственно спросила Волна.

– Можете ли вы мне как-то помочь? – замороженно проговорил я.

– Да...

– Я не...

Я медленно повернулся к посетителю, которого все это время мысленно называл Волной. Это была девушка невероятно высокого роста в голубом платье. Ее темные волнистые волосы падали на скромное декольте и, казалось, жили своей жизнью, благодаря плавному дыханию девушки. Оно было мягким и ритмичным, словно капель.

Вивиана, представитель городской службы и я замерли на своих местах с раскрытыми ртами. Наступила полная тишина. Они смотрели то на дыру в потолке, то на главный книжно-морской парад, который всем отрядом успел встать на мель. Я смотрел только на внезапно ожившую морскую волну с человеческий рост. Тишину ножницами разрежала песня Регины Спектор, которая тихонько наигрывала свою мелодию буквально из ниоткуда.

Каждый из нас перед тем, как заболеть, заранее распознает некоторые симптомы. Они, словно вестники апокалип-

сиса, говорят вам о том, что пора запастись лекарствами или, по крайней мере, перестать перегружать свой организм. Обычно этими всадниками можно назвать боль в носоглотке, слабость и сонливость, внезапный насморк и першение в горле. В моем же случае ими наверняка были учащенное сердцебиение и ускорившийся пульс.

Я молча смотрел на девушку и понимал, что как-то слегка приболел. Не исключено, что меня заразили книги с мягким переплетом. Я почувствовал, что наполняюсь водой с ног до головы, как и они. Легкие пропитались влагой и стали болезненно гореть, как если бы у меня закончился воздух на дне книжного океана. Дыхание девушки, отражалось на ее локонах, и приятно барабанило по мне, словно капель, наполняющее пустое ведро. Мне оставалось только присесть. Она нежно улыбнулась, протянула стройную руку и сказала: – Меня зовут Эсси. Все же я могу вам чем-то помочь?

Эсси ушла, прихватив с собой “Морфий” в твердом переплете. Наверное, только за это уже стоило ее уважать. Книжки с испорченной мягкой обложкой в качестве покупки она даже не рассматривала.

Что еще мне понравилось в ее выборе, так это само произведение Булгакова. Сборник повестей и рассказов “Морфий” я читал и причем совершенно недавно. Вероятно, не более недели назад. Тем не менее строить конспирологические теории о том, как идеально мы друг другу подходим,

я не собирался и решил сосредоточиться на настоящем. По крайней мере, так мне советовал делать мой образ жизни.

В этом самом настоящем я так и не ответил на ее вопрос. Молча просканировал штрих-код и осторожно пододвинул к ней терминал для безналичной оплаты. Он издал громкий и пронзительный писк после того, как Эсси приложила к нему синюю дебетовую карту местного банка. Девушка снова приветливо улыбнулась и моментально скрылась.

– Спасибо большое! До свидания! – сказала она мне напоследок.

Не иначе как волна с ее вечными приливами и отливами. Вот бы вновь встретиться с таким явлением и, не снимая одежды, броситься в неизведанные пучины.

3

Я давно заметил, что по своему обыкновению я стараюсь как можно меньше контактировать с понравившимся человеком. То ли из-за страха сказать или сделать что-то не так, то ли с целью показать свою невозмутимость и самодостаточность. В любом случае в этом нет и не будет никакого смысла. Никто не станет осуждать за проявление инициативы в общении, тогда как пугливая обособленность может показать тебя не с самой лучшей стороны. Конечно, если эта инициатива не перетекает в наглость.

Я не один раз болел девушками, не подавая при этом никакого вида. Позже выяснялось, что кто-то все же был готов ответить взаимностью. Ох и горестно мне тогда становилось!

То же самое нельзя было сказать о моем близком друге, которого звали Марк. Я учился с ним в одной школе и был ему практически полной противоположностью. В отличие от меня Марк пользовался огромной популярностью у девушек и при этом имел завидный иммунитет перед ними. Мне повезло быть свидетелем одной забавной истории, которая произошла с ним и еще одной девушкой на школьном выпускном.

В назначенный день была забронирована туристическая база за городом, куда всей толпой направились четыре выпускных класса и небольшой преподавательский состав. По-

ка учителя со слезами на глазах провожали молодежь в светлый путь, мы с Марком сидели на бревне в небольшом сосновом бору и курили втайне ото всех дорогие сигареты, которые он зачем-то прихватил с собой.

Место было выбрано чудесное. Запах хвои пробивался сквозь табачный дым и приятно покалывал нос изнутри. Все это время мы молчали, опешив перед грузом ответственности, который ложился на наши плечи перед поступлением в высшее учебное заведение. Марк пинал валявшиеся под ногами сосновые шишки. Я не знал, что говорить, и чесал шею в стрессовом припадке. Наше замешательство нарушил шелест листьев позади нас. Неизвестная персона медленно шла к нам неуверенной походкой.

Я боязливо обернулся. Марк продолжал смирно сидеть и топтать шишки. Это была одноклассница Марка, которая выглядела явно не так, как я привык видеть ее в школьных коридорах. Девушка держала в руках свои туфли, в то время как сама была босая. Вернее, пьяная и босая.

Она остановилась в нескольких метрах от нас. Встала голыми ступнями на шишки, как монах на гвозди, и закричала. – Я любила тебя в пятом классе!

Не стоило и надеяться на то, что это было адресовано мне. В то же мгновение я быстро отвернулся от нее и посмотрел на Марка. Он закуривал очередную сигарету, при этом никак не поменявшись в лице. Его спокойствие всегда было заразительно. Полностью повернувшись к девушке спиной, я

забрал у него огонь и потянулся за пачкой.

– Я видела в тебе будущего мужа!

Девушка никак не унималась и в этот раз закричала так громко, что я выронил сигарету на шишки. Марк машинально пнул ее вместе с хвойными побегами на метр вперед.

Он внезапно прыснул от смеха не то из-за отлетевшей сигареты, не то из-за девушки за нашими спинами.

– Кого ты сейчас видишь во мне, Диана? – миролюбиво спросил Марк, повернувшись к ней.

– Никого...

Девушка поникла, понимая насколько бессмысленны были ее неактуальные заявления. Теперь, когда она заговорила таким тоном, я обратил внимание на ее странную манеру речи. Казалось, что каждое произнесенное слово давалось ей с трудом. Она немного приподнимала голову, как тянущийся за червяком птенчик, и кривила губами. При этом сами слова звучали глухо и подавленно.

– Вот именно. Лучше иди к нам и расскажи, как у тебя дела. Есть парень?

– Да, мы вместе уже полгода.

Диана подошла к нам поближе и приземлилась задницей на колючие шишки, промахнувшись мимо пенька. Так и осталась там сидеть.

– Можно мне тоже сигарету? – спросила девушка.

– Конечно, – ответил Марк.

Я протянул ей наполовину пустую пачку “Парламента”.

– Я никогда не курила раньше, – пролепетала Диана.

– Не маленькая – разберешься.

Она и впрямь быстро разобралась. Мы продолжили молча сидеть среди сосен, но уже втроем, прямо как на картине Репина. Двое мишек расположились на бревне, один остался на земле и глазел на них снизу вверх. Четвертого не было. Опаздывает, наверное, подумал я.

Как только Марк поступил в университет, родители подарили ему квартиру недалеко от центра города. Они хотели испытать его на самостоятельность, ожидая, что у Марка могут возникнуть с этим проблемы в будущем. Но все вышло в точности до наоборот.

В августе он получил ключи от квартиры и в тот же день устроился работать в небольшой бар “151А” на соседней улице, который открылся за несколько дней до его приезда. Марк стрелой влетел во взрослую жизнь и своим острием попал в самое яблочко.

“151А” позиционировал себя, как молодежное заведение для студентов. Психоделический интерьер, примитивные рисунки голых женщин с полной фигурой на стенах и еженедельные художественные выставки на сломанном пианино, в которых могли поучаствовать все желающие.

Осенью с началом учебного года случился наплыв посетителей и Марк вместе с остальным немногочисленным персоналом стал обладателем золотой жилы под названием “151А”.

Вот, что было три года назад да былью поросло.

Теперь же дела обстоят немного иначе. Как я уже сказал, первоначально это был маленький бар на центральной улице города. Здание, в котором он располагался, как раз имело адрес – улица Центральная, дом 151А. Насколько я знаю, еще до открытия владельца этого заведения сильно сомневались в прибыльности такого бизнес-проекта, поэтому не стали заморачиваться над названием. Однако все их ожидания в хорошем смысле провалились уже через месяц. Выручка текла рекой и уже через пару лет они смогли открыть новые точки во всех трех городских районах. Теперь многочисленные “151А” сложно было назвать барами, однако оригинал недалеко ушел от истоков и по прежнему имел краны с разливным пивом и голых женщин на стенах. Я, конечно же, только в него и ходил. Только его и любил. И прямо в него сейчас и направлялся.

4

Я неторопливо шел на центральную улицу, пересекая небольшой детский парк с ласковым названием “Черепашка”. Зима в этом году решила пораньше закончить свою влиятельную деятельность. С середины месяца стояла теплая прогулочная погода, которая за неделю полностью высушила пешеходные тропинки. Между деревьями еще оставались крупные островки снежного покрова. Я ненадолго остановился, чтобы пронаблюдать за мужчиной в широкополой панаме, который ловко орудовал лопатой. Его задача заключалась в перебрасывании снега в более маленькие стога для более быстрого таяния. Он не сдвигался с места и работал только корпусом, делая это с завидной конвейерной скоростью. Мысленно похвалив его методичную работу, я двинулся дальше.

Моя одноклассница, с которой я должен был встретиться, тоже любила приходить в “151А”. Звали ее Юнис. Возможно, у меня было свидание с ней, но я старался не думать об этом лишний раз.

Таких встреч было несколько, скорее всего это была шестая или восьмая по счету. Мне всегда казалось, что Юнис выбирается со мной в бар далеко не с целью завести отношения. Не исключено, что моей спутнице просто хотелось хоть немного внимания со стороны. Разумеется, без какой-либо

романтической подоплеки. В этом плане я ей особо не нравился, это точно. Впрочем, как и она мне.

Хотя, если все-таки немного покопаться в своих сердечных склонностях, можно припомнить некий промежуток времени, когда я души в ней не чаял. Как и в большинстве случаев я быстренько и молча переболел любовью к Юнис, но на этот раз хранил молчание не зря. Понаблюдав за ней какое-то время и познакомившись поближе, я смог составить некое заключение на основе всей этой истории.

Юнис была из тех людей, кому одиночество было, прямо-таки скажем, к лицу. Она росла в строгой семье, вследствие чего была воспитанной и дисциплинированной девушкой. Учеба для Юнис давалась не так легко, как мне, но тем не менее она была добросовестной студенткой и во многом преуспевала, благодаря своей усидчивости.

В остальное же от обучения время она играла в видеоигры. Стоит отметить, что этого остального времени у Юнис было навалом, поэтому играла она много и, что наверняка, была зависима от подобного времяпрепровождения. Каждый ее день делился на три части: университет, видеоигры, сон.

В этом цикле никак не хватало места для меня. Даже если бы я решился предложить Юнис встречаться, то тем самым испортил бы ее гармоничный распорядок дня. Ей пришлось бы пожертвовать своей успеваемостью, либо сном. Никак не третьим столпом личности из-за сильной игровой зависимо-

сти.

Конечно, я желаю Юнис только самого лучшего и больше не предпринимаю попытки сблизиться с ней. Однако встретиться со мной уже в n-ный раз – ее выбор, не мой. Выбор темненькой Юнис, которая стояла у входа в ресторан и энергично приглашала меня скорее войти внутрь. В этот раз мы решили перекусить перед “151А” в паршивеньком ресторане со остроумным названием “Микс-уй”, первая часть которого была написана на английском языке.

Юнис была ниже меня на голову и большую часть времени выглядела, как маленькая клякса, которой случайно капнули на мой безмятежный лист. Мало того, что Юнис была натуральной брюнеткой. Она всегда носила вещи темных оттенков, лишь время от времени надевая белоснежную блузку под черное пальто. Помимо своей мрачности, эта девушка, как и положено любой уважающей себя кляксе, намертво впиталась в мой бумажный лист и никаким образом не выстирывалась.

– Добрый вечер, сэр! – по всей видимости, она начала разыгрывать какую-то сцену, – не хотите ли выпить сегодня что-нибудь покрепче, чем привычный вам двойной эспрессо без сахара с его отвратительным горьким вкусом?

Возможно, подобная манера речи была банальна для юмора, но тем не менее меня это развеселило. Я решил подыграть ей.

– Доброго здравия, мисс Юнис! Не смею вам возражать,

пойдемте скорее, – сказал я, придерживая перед ней парадную дверь.

Интерьер в стиле современного ар-деко и столпившиеся у входа официанты-подростки на подработке – то, что бросается в глаза при посещении этого заведения. Я заходил сюда довольно часто, потому что здесь было самое дешевое меню из всех, что я когда-либо видел в своем городе. Каждый раз меня встречала толпа подростков с застывшими на лицах улыбками. Как дети в начальных классах встречают своего классного руководителя, так и они одновременно по-совиному поворачивали головы в твою сторону и хором протягивали.

– Здра-а-авствуйте!

Это был главный недостаток этого заведения. От такого приветствия каждый раз мне было не по себе.

Так получилось и в этот раз. Я и Юнис пробрались внутрь, и на нас ожидаемо развернулось пять скопившихся голов. Кто-то из них покрасил волосы в желтовато-белый и стал похож на состарившийся обгаженный матрас. Кто-то проколол нос, а кто-то набил себе татуировку над бровью. Дресс-код позволял персоналу выглядеть так, как им заблагорассудится. Все же это не какой-то элитный ресторан для сливок общества. Это заведение для таких, как я. Студентов, бедняков или жмотов.

– Здра-а-авствуйте! – сказала золотая молодежь.

– Добрый ве-е-ечер! Можно нам столик на двои-и-их? –

сказал я.

Они моментально перестали гримасничать. Девушка с пирсингом скорчила недовольную рожу и отвела нас к столику, который располагался в самом дальнем углу зала. Юнис расположилась на потрепанном кожаном диване. Я сел напротив нее, приземлившись на неудобный стул, который своей эргономикой сильно напоминал школьные сидения.

– Что хочешь заказать? – спросил я Юнис.

Она не стала отвечать и молча листала барную карту в течение нескольких минут. Насупившись, она разглядывала меню, пребывая в явном замешательстве. Как только она добралась до крепких напитков, ее лицо моментально разгладилось.

– Хочешь яблочную настойку? Она стоит всего шестьсот рублей за пол литра. Мы будем пить ее и представлять, что наслаждаемся элитным кальвадосом в каком-нибудь из ресторанов Парижа.

– У меня сильная аллергия на яблоки, – ответил я.

Она снова ничего не ответила и опустила глаза на барную карту. Мне стало неловко из-за того, что я так резко оборвал полет фантазии Юнис. Желание все исправить настигло меня внезапно. Я мысленно прогнал всевозможные последствия своей авантюры и собрал волю в кулак.

– В общем-то, я считаю, что со мной навряд ли может что-то случиться, Юнис, – мягко проговорил я, положив ладонь на ее руку с целью отвлечь ее от бесконечно долгого изуче-

ния меню.

– Ты уверен? – недоверчиво спросила она.

– Я не против умереть от мнимого кальвадоса в твоей компании.

Я не верил в судьбу, но я верил в совершенно неожиданные случайности. Авось, я случайно выживу после этого прекрасного весеннего вечера с не менее прекрасной девушкой напротив меня. Было бы здорово.

– Отлично! – такой ответ ее вполне устраивал. – Официант! Бутылку яблочной настойки, пожалуйста!

Юнис никто не слышал. Ясное дело, весь маргинальный персонал толпился у входа и не собирался добровольно обслуживать зал до тех пор, пока не приезжал администратор или еще кто поважнее. Юнис нахмурилась и вскочила со своего места, направившись к ним. Я с интересом наблюдал за тем, как она стремительно приближалась к барной стойке с целью всем там навтыкать.

Как только я остался один, меня вновь накрыло волной. Буквально из ниоткуда к столику подошла Эсси. По всей видимости, она была здесь не одна и узнала во мне новоиспеченного знакомого. В ожидании своей аллергической смерти я не смог найти в себе силы на то, чтобы волноваться по еще одному поводу. В этот раз я был более чем спокоен, чем в прошлый.

– Я ожидала встретить тебя здесь, – сказала Эсси.

– С чего бы?

Начало разговора показалось мне странным, поэтому быть приветливым у меня не выходило. Казалось, я был настолько холоден в этот момент, что мог бы сыграть роль айсберга в “Титанике”.

– У нас есть деньги только на книги Ремарка в мягком переплете. Конечно, мы будем искать места, где можно выпить, но как можно экономичнее.

– Откуда ты знаешь, что я читал?

– Я обратила на это внимание, когда познакомилась с тобой сегодня утром. Слева от тебя лежала “Триумфальная арка” с закладкой внутри, а справа “Бойцовский клуб”.

– “Триумфальная арка” не моя, но все же ты права. Я читал и ее.

Наступила неловкая пауза. Мне было жаль, что я не мог ответить ей взаимной заинтересованностью в общении. Она снова застала меня врасплох, и я чувствовал себя некомфортно. Хотелось закончить наш разговор до того, как вернется Юнис, чтобы избежать лишних вопросов.

– Что заказал? – не унималась Эсси.

– Яблочную настойку.

– Ты любишь яблоки?

– Нет, скорее наоборот. На яблоки у меня аллергия.

– Я тебя не понимаю...

– Так или иначе, я надеюсь на лучшее и пока что не собираюсь умирать, – наконец улыбнулся я.

– Было бы здорово, – тихо заключила Эсси.

Слева от меня ветром пронеслась Юнис и приземлилась на диван. Она громко поставила настойку на столик и по какой-то причине была в прекрасном расположении духа, словно все это время сражалась за эту бутылку с кем-то из посетителей и победила. Как только Юнис удобно расположилась на своем месте, она пристально посмотрела на меня. Глаза сверкали, как два наливных яблочка.

– Ну что за девушки нынче пошли? – недовольно провозгласила Юнис.

– Мы с ней...

Я не знал, что и сказать. С надеждой повернулся к Эсси, но ее и след простыл. Как ловко она это все провернула! Словно знала, что может поставить меня в неловкое положение. Видимо, ее стоит уважать не только за выбор книжных переплетов, но и за своевременность морских отливов.

– Девушка с пирсингом так долго искала настойку, что за это время остальной персонал чуть не развел меня на коктейли, – продолжала Юнис, не обратив внимания на мое замешательство, – конечно, я успела выпить, но только один! Не персонал, а организованная преступная группировка.

Остаток вечера я просидел с ней, опасливо потягивая крепкую яблочную настойку. Со временем я осознал, что чувствую себя более чем здоровым, и в конце концов отвлекся от вероятных последствий аллергии. Мыслями теперь я, конечно, был далек от всего, что меня окружало. В какой-то момент мне стало все равно на смертельную настойку и на

саму Юнис. Продолжать торчать здесь было невыносимо, я просто тратил свое время. Встав из-за стола, я собирался спешно покинуть помещение, сославшись на срочные дела.

– Здесь осталось больше половины, – растерянно говорила Юнис.

Она подняла бутылку не уровень глаз и взглядом оценила объем оставшейся жидкости.

– Оставь себе, хорошо?

– Но как же “151А”?

– Мне правда нужно идти, извини.

Темы для разговоров с Юнис как бы потеряли свое значение. Алкоголь, рестораны и бар, в котором работал Марк, – тоже. Я хотел только домой. Своим появлением Эсси по мановению руки обесценила все то, чем я дорожил ранее. Несмотря на свою немногословность в разговоре, я был счастлив вновь с ней встретиться.

Было бы здорово. Здорово и вышло.

5

Как можно заметить, обычно мой распорядок дня никак не мог похвастаться своей увлекательностью. Вся моя жизнь крутилась вокруг университета, работы и встреч с людьми с глазу на глаз. Какого-то определенного круга общения или постоянной компании у меня не было. Люди, с которыми мне доводилось пересекаться, либо уезжали в столицу, либо как-то разочаровывали меня. Ну, или я их.

Я бы не сказал, что особо сильно переживал по поводу своей разобщенности. Иметь временные знакомства мне стало куда интереснее. Я бы даже сказал – справедливее по отношению к посторонним. Цепляться за старых приятелей и дорожить ими из чувства долга и ностальгии мне казалось чем-то ошибочным. Часто это требовало сильной и незаслуженной отдачи.

В какой-то степени в этом плане на меня повлияла одна девушка из прошлого. Она всегда была внимательной и нежной, но ко всем моим качествам и достижениям в основном относилась холодно, словно ей были безразличны все мои положительные стороны. По началу меня это сильно задевало, но спустя какое-то время она сказала:

– Если мы в отношениях то это совсем не означает, что я должна боготворить тебя.

– Что значит боготворить? – растерянно спрашивал я.

– Я не хочу относиться к тебе предвзято и превозносить тебя просто потому, что ты мой парень. Ты – самодостаточная личность. Это нечестно по отношению к тебе, – спокойно поясняла она мне.

– Ты неизменно считаешь это правильным?

– Да.

– Ну, теперь и я тоже.

Со временем я перестал искать слепой похвалы от близких и кому-либо льстить. Мне стало любопытно общаться с людьми, скажем так, вырывая их из привычной обстановки шумных компаний. Так лучше можно понять, насколько самодостаточная личность перед тобой. Зависимые от других люди в большинстве своем мало что из себя представляют. Все их существо стремится как можно чаще нахваливать ближнего и искать с ним встречи, забывая о себе. Одинокие же – наоборот, имеют при себе полным-полно занимательного опыта и проницательных мыслей.

– Вагон и маленькая тележка.

Так сказала бы моя бабушка, к которой я направлялся этим утром в промежутке между занятиями и работой. Она проживала в обветшалом многоэтажном доме на окраине города.

Вход в подъезд всегда выглядел по меньшей мере депрессивно. Проем из посеревшего и рассыпающегося кирпича, казалось, еле-еле придерживал ржавую металлическую дверь. К ней вели битые по краям ступеньки, которые не по-

мещали на себе мой сорок шестой размер ноги. В свою очередь перед ступенями испокон веков располагалось необъятное кладбище окурков. Жильцы ежедневно сбрасывали их вниз со всех девяти этажей. Никто их, конечно же, не убирал. Представьте себе – ковер из сигарет. Зато недавно поставили совсем новый сенсорный домофон. Выглядело это, конечно, как какая-то издевка.

В маленькой однокомнатной квартире бабушка жила не одна, а со своей мамой. С последней у меня за последнее время выработалась некая традиция. Я заходил к ним в гости и первым делом направлялся в комнату к прабабушке.

– Здравствуйте, дорогая, меня зовут Тео.

– Здравствуй-здравствуй!

– Приятно познакомиться.

– Ха-ха-ха! А мне-то как приятно!

Ей было восемьдесят четыре года. Две недели назад она стала забывать, кто я и как меня зовут. Признаться честно, по началу было довольно жутко это осознавать. В тот вечер я ненадолго забежал к ним в гости, чтобы передать гостинцы от мамы. Я практически никогда не заглядывал в комнату к прабабушке, но в этот раз решил зайти, чтобы попрощаться и передать привет от всего семейства. Я легонько постучался и осторожно отворил дверь, так как предполагал, что в это время старички могут готовиться ко сну. Заглянул внутрь и ничего не увидел. Кромешная тьма. В нос ударил благодод-

ный запах старости. Глаза потихоньку начинали привыкать к темноте. В конце концов я смог разглядеть полненькую старушку, которая смиренно сидела на диване и слегка подсвечивалась лунным светом. Складывалось ощущение, что я вломился в гробницу египетского фараона, чем нарушил его вечный покой и подверг себя древнему проклятию. Голова прабабушки медленно поворачивалась в мою сторону. Мне стало не по себе.

– Привет, бабуль. Это я – твой правнук, – я подал голос, чтобы убедиться в том, что все в порядке.

– Ты – Тео? – тихо спросила прабабушка из темноты. Загвоздка заключалась в том, что для нее я был единственным правнуком в своем роде. Она возилась со мной с пеленок, пока я не вырос и не стал реже приходить в гости.

– Да... Забыла что ли?

– Ха-ха-ха.

Она внезапно расхохоталась и ничего не ответила. Какое-то время мы молча находились в темноте и смотрели друг на друга при свете луны. Потом я взял себя в руки, а руки в ноги и спешно покинул квартиру.

Теперь же я частенько приходил средь бела дня и представлялся, чтобы не ставить прабабушку и себя в неловкое положение. Возможно, ей такие напоминания были уже не так важны, но все-таки от каждого “нового” знакомства она была в восторге. Так мы оба поднимали друг другу настро-

ение.

Надеюсь, я никогда не окажусь на ее месте.

Бабушка же располагалась в соседней от прабабушки комнате. Вернее сказать, на кухне. По неизвестной мне причине они практически не общались, поэтому я по отдельности навещал каждую из них. Комнаты бабушек сильно контрастировали между собой. Старшая жила либо в крошечном мраке, либо при ослепительно ярком солнечном свете. У младшей дела обстояли совсем иначе. В ее миниатюрной кухне-комнате всегда были занавешены шторы и круглосуточно горела искусственная лампочка теплого персикового оттенка. Половину площади занимал кухонный гарнитур с гигантским холодильником. Оставшаяся половина комнаты была заставлена маленьким круглым столом и диваном в разложенном состоянии, на котором спала бабушка. Между двумя зонами тянулся узкий проход метровой ширины. Ловко передвигаться по этой комнате могла только бабушка, поэтому я всегда садился за стол у входа и наблюдал за тем, как она готовит мне кофе.

– Работаешь сегодня? – спросила персиковая бабушка, заливая кофейный порошок кипятком

– Да, куда же я денусь.

– Тогда смотри внимательно.

С этими словами она достала из холодильника огромный пакет всякой всячины и стала выкладывать содержимое на стол. Лапша быстрого приготовления, суп быстрого приго-

товления, шесть ломтиков сыра, свиной паштет в консервах, булка с клубникой, булка со шпинатом и сыром, мятная жвачка и баварские колбасы. Гранатовый сок, молочный коктейль и три пакетика кофе.

– Я работаю всего восемь часов, не восемь дней... – промямлил я.

Мягко говоря, я был шокирован. Все это гастрономическое торжество выглядело в разы аппетитнее под теплым светом комнаты. Кажется, вчерашняя яблочная настойка все же отправила меня прямиком на небеса янтарного цвета.

– Так здесь немного! – искренне удивилась бабушка.

– Я ем в пять раз меньше за день!

– Ну, не съешь – на завтра оставишь.

– Мне стыдно столько брать.

– Ой, ладно тебе! Дай побаловать-то.

– Дам, но только потому, что тебе это так важно, хорошо? – я пытался найти хоть какой-то компромисс.

– Не приучай себя отказываться от помощи близких. Мы всегда открыты для взаимовыручки. Помогать – важно, но и принимать помощь не менее важно.

В основном бабушка общалась очень словоохотливо и в общем-то ни о чем. О погоде, политике или, например, о спорте. Но порой она могла лаконично выдать что-то такое, над чем потом думаешь весь день. Словно в твое отсутствие она выращивает в своем исполинском холодильнике слова-паразиты и, когда ты объявляешься, сажает их тебе на

голову. Мозг с ним борется, побеждает и в итоге получает ценный опыт. Вот такая у меня полезная бабушка.

Скрепя сердце, я сложил всю провизию обратно в пакет, который запихал в свой портфель, пока бабушка продолжала наставлять меня на путь истинный.

– Насколько часто ты обращаешь внимание на какие-то совпадения и прочие странности? – перебил я ее.

– Всегда. Я пытаюсь жить в гармонии с миром.

– Каким образом?

– Скажем так, стараюсь не упускать ничего из виду. Очень боюсь не заметить какой-то знак извне.

– Мне не совсем ясно, что ты имеешь ввиду.

– С помощью знаков вселенная может показать тебе то, на что стоило бы обратить внимание.

Я попытался представить себе вселенские знаки. В голове возникали только образы дорожных знаков. Пешеходный переход, кирпич и все такое. Бабушка проницательно заметила мое замешательство.

– Например, человек, которого ты встречаешь при необычных обстоятельствах. Частые болезни, реалистичные сны или...

– А-а, вот оно как...

– Что?

– Возможно, я понял.

– Ну, и что за человек тебе попался? – довольно спросила бабушка.

– Я не уверен, что это именно то, о чем ты говоришь.

С ее позволения я перевел тему и через какое-то время покинул комнату. Направившись к выходу из квартиры, я заглянул в спальню и помахал рукой прабабушке на прощание.

– Здоровья-здоровья-здоровья! – жизнерадостно декларировала она каждый раз, когда я уходил.

Это действительно помогало, иначе я никак не мог объяснить свое крепкое физическое здоровье. Болел я не чаще раза в год, если, конечно, не говорить о моих любовных заболеваниях. Вот такая у меня полезная прабабушка.

6

Чтобы добраться по городу из точки А в точку Б, я всегда использовал автобус. Никак иначе. Эта ржавая металлическая буханка – самый удивительный вид транспорта, который был изобретен человечеством. Каждая поездка, как безмолвное знакомство с несколькими десятками людей. Мы словно в немом кино обменивались какими-то репликами, которые неизменно отражались на наших собственных лицах.

Вот и сейчас я ехал на работу и изучал обстановку то за окном, то в салоне автобуса. Передо мной ехала женщина солидного возраста в ярко-красном берете. Выглядела она, как пожилая черепаха. Медленно вертела головой по сторонам, оценивая обстановку, и при этом ни капли не менялась в лице, словно нацепила на себя морщинистую маску старушки из магазина приколов. Вскоре она зашевелилась немного активнее и выудила из правого кармана леденец. Пенсионерка вновь замедлила свои движения и теперь не спеша освобождала растаявшую конфету от обертки. В какой-то момент фантик порвался, и большая его часть намертво прилипла к розовой сладости. Старушка замерла. Я замер вместе с ней. В это же мгновение конфета вместе с упаковкой полетела к ней в рот. Я замер с удвоенной силой, как бы странно это ни звучало. Пожилая женщина опомнилась и начала крутить

головой по сторонам в поисках наблюдателей, по всей видимости, понимая, что сотворила нечто странное.

Испугавшись такого развития событий, я резко отвернулся к окну, за которым с самого утра шел сильный ливень. Водой сильно омывало дороги, тротуары и в особенности прохожих. Хоть сегодня их было не так уж и много на городских улицах. Ливень был настолько силен, что представлял собой не иначе как дорожно-вселенский знак из разряда “Оставайтесь дома!”.

При такой погоде посетителей практически не бывает. Несмотря на то, что я немного опоздал, мне все равно некуда было торопиться. Я в медленном темпе открыл смену и поставил чайник, разложив на столе взятые с собой пакетики кофе. Рабочий день обещал пройти без каких-либо хлопот.

Я встал перед большим окном магазина, как бы дразня ливень, бьющий по нему снаружи. Не исключено, что он просто старался пробраться внутрь, чтобы как следует закупиться хорошей литературой. По субботам в магазине из персонала не было никого, кроме меня. В такой обособленности я вполне мог занять себя какой-нибудь работой или по крайней мере спокойно сесть за конспекты, чтобы подготовиться к понедельнику. Вместо этого быстрым движением достал смартфон и нашел номер Вивианы в списке контактов. Проследовало семь протяжных гудков. Семь вселенских знаков. После каждого из них ливень бил по стеклу все сильнее, как

бы стараясь пробиться внутрь и остановить мой звонок.

– Да, Тео? – послышался тихий голос Вивианы.

– Салют! Приедешь сегодня в магазин?

На другом конце невидимого провода несколько секунд слышалась какая-то возня, после которой Вивиана с небольшой одышкой продолжила говорить.

– Слушай... Сегодня я сильно занята... Э-эм... Скучно там... Хм... Наверное... Да?

– Более чем.

– А-а... Правда, сегодня никак... Увидимся в понедельник, – сказала она и бросила трубку.

Дождь продолжал греметь, но вовсе не так сильно, как до этого. Поумерив свой пыл, он как бы звал меня к себе, предлагая свои мокрые объятия. Стараясь не делать поспешных выводов о занятости Вивиан, я послушно принял приглашение на водные процедуры и вышел на улицу.

Ливень ласково окрапывал меня водой и действовал более чем успокаивающе. Он мягко ложился на голову и стекал по длинным волосам, как по американским горкам, мне на плечи. Я закрыл глаза и протянул свою правую руку вперед. Капли послушно стали использовать новый маршрут для передвижения по моему телу.

Неизвестно, сколько я стоял так перед входом в книжный магазин. Может минуту. Может час. Скажем так, спустя неопределенный промежуток времени кто-то крепко взял меня за вытянутую руку и потащил внутрь. Только полно-

стью скрывшись от дождя, я разлепил глаза и увидел перед собой насквозь промокшую Эсси.

– Чего ты добивался? – взволнованно спросила она.

Не обращая никакого внимания на ее вопрос, я сочувственно осматривал Эсси сверху вниз. Дождь не пропустил ни единого сухого места на ней и буквально замочил ее. Я пробежал глазами кросс по Эсси и, откровенно говоря, начал отчетливо осознавать, что у меня едет крыша. Тяжело видеть одного и того же незнакомого человека трижды за неполных два дня. Мне начало казаться, что она меня преследует.

– Ты меня преследуешь?

– Господи, нет, за кого ты меня принимаешь? – рассмеялась она.

Я насторожился. Вообразить такой чистый и искренний смех до этой секунды было невозможно. Наступило неловкое молчание. Эсси стояла перед кассовой стойкой и оставляла маленькие лужи на всем, к чему прикасалась. Не исключено, что она уже успела пробраться к моему сердцу и превратить его в крохотную кипящую лужицу.

– Вообще-то я хотела спросить у тебя кое-что вчера, – сказала она.

Эсси махнула рукой, чтобы смущенно почесать затылок. Капля слетела с ее ладони и приземлилась мне на грудь. Сомнений больше не было – пробралась.

– Что-то о книгах? – предположил я, рефлекторно смахивая воду с рубашки, которая и без того была пропитана вла-

гой до нитки.

– Нет, совсем нет, – Эсси немного замялась. – Только не думай, что я пришла сюда с целью задать этот несерьезный вопрос.

– Я думаю только о том, что ты меня преследуешь.

Она снова громко засмеялась. Я все никак не мог понять, почему это ее так смешит. По всей видимости, Эсси обладает таким же необъяснимым чувством юмора. Она успокоилась и снисходительно посмотрела на меня.

– Я хотела спросить, как давно ты слушаешь Битлз.

– Увидела открытый на компьютере “Revolver” вчера в магазине, да?

Она удовлетворительно кивнула.

– Совсем недавно, если честно. Познакомился с их творчеством, наверное, не больше года назад.

– Я слушаю их с пяти лет. Столько всего интересного могу про них рассказать! – она явно гордилась тем, что была таким преданным фанатом ливерпульской четверки.

– Хочешь послушаем вместе?

Я как-то пропустил мимо ушей ее стремление поделиться фактами о Битлз и быстренько открыл на рабочем компьютере их страничку в Спотифай.

Посетителями и не пахло, так что я мог позволить себе как-то отвлечься в компании Эсси. Я принес для нее табуретку из комнаты персонала и поставил рядом со своей. Снова сходил в комнату и вернулся с двумя чашками горяче-

го кофе. Теперь экран монитора впервые освещал два облика, вместо одного. На свету лицо Эсси по-алмазному блестело из-за влажных кристалликов воды, предварительно оставленных дождем.

– Что посоветуешь?

– Я считаю, что “Magical Mystery Tour” очень недооценен. Знаешь такой альбом?

– Приходилось слышать, но не помню список композиций.

– Ты наверняка знаком с “All You Need Is Love”.

– Да, это хорошая песня.

– Моя любимая с этой пластинки – “Strawberry Fields Forever”. Мы еще успеем до нее добраться, включай альбом с самого начала, – воодушевленно сподвигла меня Эсси.

Я набрал название альбома в строке поиска и нажал на кнопку воспроизведения. Заиграла озорная мелодия, чем-то напоминающая сопровождение для циркового представления. Битлз хором стали зазывать нас с Эсси в какие-то далекие-далекие дали:

Шествие! Шествие в Волшебное Таинственное Путешествие!

Вот Вам приглашение!

Принимай решение!

Она знала наизусть каждую песню и подпевала Битлам,

практически не останавливаясь. Иногда она замолкала на несколько секунд, поворачивалась ко мне и восхищенно спрашивала:

– Ну, как тебе?

– Очень даже, – отвечал я.

В такие моменты я мог получше разглядеть внешность Эсси. Как оказалось, она была гордой обладательницей веснушек и ярких голубых глаз. Черты лица сложно было назвать славянскими. Эсси чем-то напоминала девушку еврейской наружности, но также во внешности были заметны и ее азиатские корни, которые хорошо отражались в разрезе глаз. Не сказал бы, что в остальном она чем-то напоминала мне наших восточных соседей, но на глазах у нее были складки, прикрывающие слезные бугорки. Так называемые эпикантусы.

С непривычно хитрым восточным прищуром она смотрела на меня, пока играла хорошо знакомая мне последняя песня с альбома – “All You Need Is Love”. Внезапно я сильно покраснел. Только сейчас я заметил, что все это время тихонько подпевал Джону Леннону с самого начала песни. Почти четыре минуты позора.

– Извини, – вырвалось из меня.

Я чувствовал себя виноватым за то, что как-то опорочил ее исполнение своими посредственными вокальными данными. Эсси поняла это и приоткрыла рот, словно немного испугавшись за меня. Спустя мгновение она собралась с мыс-

лями и смогла взять себя в руки.

– Никогда не проси прощения за свои душевные порывы. Не имеет значения, как ты поешь или танцуешь. Ты делаешь это так, как можешь, и этого более чем достаточно.

– Извини, – смиренно сказал я снова, но прося прощение уже за нечто другое.

Эсси смотрела на меня, и на ее лице отражалось сочувствие размером с галактику. Она взяла меня за руку и спросила:

– Почему ты не сказал вчера, как тебя зовут?

– Я не планировал знакомиться.

– Даже сейчас?

– Сейчас планирую. Меня зовут Тео.

– Выбери песню, которую ты хорошо знаешь, и мы споем ее вместе, Тео.

Ливень стучался в окна, стараясь присоединиться к нашим вокальным партиям. К сожалению, он способен был играть только на ударных, и то не очень. Я и Эсси не обращали на него никакого внимания. Кроме нас в помещении никого не было, только Битлз исполняли “Nowhere Man” с нами в унисон.

– Проголодалась? – шепотом спросил я.

– Да, немного, – ответила она так же шепотом.

Мы провели вместе уже не меньше половины смены. За все это время магазин своим присутствием озарил всего

один посетитель, который прямо сейчас уверенно продвигался по какому-то определенному ранее маршруту. Наш разговор зашел в тупик, и мы молча наблюдали за тем, как он медленно бродил среди книжных полок. Это продолжалось довольно долго. Мужчина средних лет варьировал по всему помещению в своем длинном черном плаще, словно тень. Начал он свой путь с энциклопедий. Затем внимательно изучил стенд со сказками и сборниками рассказов. Напоследок бегло пробежался по историческим хроникам, полка с которыми располагалась недалеко от кассы. Мужчина молча отклонялся и торопливо покинул магазин.

– Странный тип, – подала голос Эсси, как только он вышел за дверь.

– Вселенский знак, не иначе.

– Что? Ты веришь в этот вздор?

Я терпеливо ждал несколько секунд, пока Эсси заливалась смехом. Судя по всему, ее толерантность распространялась только на творческие порывы человека. Астрологию и подобные ей вещи она презирала. Сам я не знал, как относиться ко всему такому.

– Нет, наверное.

– Извини, если тебя как-то задела.

– Совсем нет. Я не верю во вселенские знаки. Хотя люблю обращать внимание на всякие необычные штуки.

– Что за штуки?

– Например, сегодня я ехал в автобусе и заметил, как

какая-то бабушка втайне ото всех съела конфету вместе с оберткой.

Эсси вытаращила на меня глаза. Наконец-таки настала моя очередь помирать со смеха. Она отвела взгляд куда-то в сторону и замерла. Скорее всего с ужасом представляла описанную мной картину.

– Что, прямо не развернув? – словно в трансе прошептала она.

– Нет, она пыталась это сделать, но безуспешно.

Мгновение спустя мы оба покатывались со смеху. До конца рабочего дня оставалось около трех часов. Все, о чем я мечтал, это безостановочный ливень.

– Знаешь, ведь у меня есть много автобусных историй.

– Обязательно расскажи мне все, Тео!

– Сначала нам необходимо заправиться, – сказал я, встав со стула.

Я осторожно взял Эсси за запястье и потянул за собой в комнату для персонала. Посадив девушку на диван, я принялся заниматься студенческой кулинарией. Залил нам лапшу и суп быстрого приготовления кипятком и поставил на маленький деревянный столик. Спасибо моей бабушке за заранее организованный романтический ужин. Я присел рядом с Эсси на диван и принялся молча ожидать несколько минут до полного заваривания, по истечению которых мы начали уплетать все это с завидной скоростью. Она выбрала лапшу, мне же ничего не оставалось, кроме как забрать себе

суп.

Как оказалось, к этому моменту я изрядно проголодался и заливал в себя блюдо настолько неряшливо, насколько это вообще было возможно. Я брызгал им во все стороны, но каким-то волшебным и таинственным образом жирные капли не попадали на светлое платье девушки. Эсси же наоборот ела хоть и быстро, но очень аккуратно. Не прошло и пяти минут, как мы смолотили все подчистую.

– Наелась? – спросил я, глядя на пустые одноразовые контейнеры.

– Не знаю, – честно призналась она.

Я, не глядя, просунул руку в персиковый пакет, который лежал рядом с диваном. Молниеносным, но плавным движением руки я выложил на стол две булки. Эсси пришла в восхищение.

– Как ловко! Ты, наверное, репетировал этот булочный выстрел несколько лет? – сказала она.

– Конечно! Клубника или шпинат и сыр?

– Второе!

С этими словами она, облизываясь, потянулась к мучной улитке. Мы хомячили слойки и запивали их гранатовым соком. Позже я выложил на стол ломтики сыра и колбасы вместе с молочным коктейлем, чтобы запить.

– Боже мой, ты здесь ночевать собрался?

– Похоже на то.

Мне как-то не хотелось признаваться в том, что всем этим

меня снабдила бабушка, поэтому я прикрылся слабой иронией.

Оставшиеся часы пролетели незаметно, словно их и не было. После работы я предложил Эсси посидеть вместе за чашечкой кофе, но она отказалась, сославшись на какие-то дела. Я не особо жалел об этом, потому что понимал, что сам нуждаюсь в отдыхе.

Завтра меня с распростертыми объятиями ожидал мой единственный выходной день. Воскресенье. Я должен был чем-то занять себя в свободное время. Например, встретиться с Марком, который до глубокой ночи работал в “151А”. Для меня такое занятие было своего рода терапией, к которой я мог обратиться с пяти часов вечера. Тем не менее свободным оставался еще целый воскресный день. Возможно, стоило встретиться с Юнис и рассказать ей об Эсси. Она наверняка смогла бы дать мне какой-то дельный совет.

Позже выяснилось, что ломать голову над завтрашним днем не имело никакого смысла. Я обратил внимание на то, что в кармане моей ветровки лежал какой-то листок. Недолго думая, я вытянул скомканную бумажку и развернул ее в своих руках. Это была листовка, на которой каллиграфически была выведена надпись:

“Музыкальное прослушивание в областной филармонии. Фортепиано.”

Далее мелким прямым шрифтом снизу:

“Воскресенье, 20:00.”

Не было сомнений в том, что эту листовку подложила мне Эсси. Наверное, она там будет и по всей видимости хочет, чтобы и я присутствовал на этом мероприятии. Что ж, почему бы и нет.

Так или иначе, мы квиты. Но только в том случае, если прямо сейчас она пожевывает мятную жвачку, которую я также подкинул Эсси в ее маленький рюкзак. Вместе со свиным паштетом.

Я сидел за барной стойкой и рассматривал, как Марк натирает один бокал за другим. Начищенные стаканы он ставил на полотенце передо мной. Мой взгляд то и дело падал на собственное искаженное отражение в них. Голова вытянулась по длине раз в пять и в районе макушки закручивалась то влево, то вправо. Откровенно говоря, так я себя и чувствовал где-то в глубине души по неизвестной мне причине. Отчетливо казалось, что либо я, либо весь мир вокруг меня кардинально поменялся. Однако, как именно это произошло, я не мог даже представить.

Рядом со мной сидела молчаливая девушка, которая заявила сюда, стоило только открыться дверям заведения. Она не проронила ни слова за все это время и не заказала ни единого напитка. По всей видимости, ее мир точно претерпел некоторые радикальные изменения.

Я и Марк не смогли не отметить между собой шепотом то, что выглядела она, мягко говоря, поразительно. Белоснежные волнистые волосы, не менее белоснежная блузка и клатч. Она была похожа на ангела, который свалился с небес и прекрасно смог адаптироваться под наше общество, сохранив свою райскую натуру. Я был более чем уверен в том, что дома она хранит свои белые-белые крылья и надевает их только по праздникам.

Завороженный, но смелый Марк обратился к ней в первые же минуты ее появления здесь.

– Привет! Чего желаешь?

Она не отвечала. Всего лишь смотрела на черное зеркало собственного смартфона, который лежал перед ней на барной стойке. Я растерянно переглянулся с Марком, после чего мы продолжили обсуждать опасность искусственного интеллекта для современного общества. В баре не было никого, кроме нас троих. Обстановка была немного напряженной. Только нарисованным голым толстушкам все было нипочем. Они весело махали нам пухлыми ладонями со стен “151А”.

Спустя полчаса Марк заявил о своем категорическом недоверии Илону Маску. Он махнул на меня рукой, словно я вдруг превратился в основателя компании SpaceX, и снова попытался пойти на инопланетный контакт с божественной молчуньей. Он поставил перед ней вкусное фруктовое пиво, которое пользовалось большим спросом у женщин, и изящно забросил в него трубочку для коктейлей.

– “Обаяние” за счет заведения. Как тебя зовут?

Она не отвечала, и мы закончили с попытками завести с ней диалог. Марк продолжал натирать стаканы в ожидании наплыва посетителей и рассказывал о том, как важно начинать свой день со стакана воды. Я немного утомился и посмотрел на часы. До начала прослушивания в филармонии оставалось около полутора часов. Я посмотрел в сторону Молчуньи и заметил некоторые перемены в ее, казалось,

неизменном положении. Она держала свой смартфон в руках и что-то очень быстро печатала. Я откинулся немного назад и вытянул шею, чтобы посмотреть, чем занята эта девушка. Прекрасно понимая невоспитанность своего поступка, я все же не смог сдержать скопившегося любопытства к этой персоне.

Молчунья письменно обращалась к некоему Виктору. Она торопливо отправляла ему короткие электронные сообщения одно за другим. Я насчитал около двадцати беглых обращений к Виктору, которые он оставлял без ответа, хотя сам находился в сети. Если объединить их в одно письмо, то выйдет текст приблизительно такого содержания:

“Как у тебя дела? Чувствую себя лучше. Вот сходила в магазин. Недалеко от дома. Приходи сегодня ко мне. Я купила овощи. Печенье к чаю тоже есть. Собираюсь сварить картошку на вечер. И на завтра тоже. Или потушить. С чем-то. Пока не знаю. (Ссылка на рецепт). Вот так сделаю. Должно быть вкусно. Наверное.”

Молчунья отправила последнее сообщение Виктору и с минуту смотрела на экран с открытым на нем диалогом. Галочка на каждом из сообщений загорелась синим цветом. Это означало, что Виктор получил их и уже прочитал. Прочитал и проигнорировал.

В этот момент я услышал какой-то треск. Возможно, это был звук того, как только что раскололся мир этой девушки прямо у меня на глазах. Она тихонько заплакала. Я старался

смотреть в одну точку, чтобы никак не выдать своим поведением то, что я знаю больше, чем следовало бы. Я молча уперся взглядом в сосок нарисованной толстушки и слушал еле заметные всхлипывания Молчуни. Через несколько минут она выбежала из бара.

– Интересно, что это с ней, – подал голос Марк, который ничего не заметил.

– Понятия не имею.

Марк недоверчиво посмотрел на меня. Вовсе не потому, что я мог что-то знать об этой девушке. Причина сомнений крылась в другом необычном явлении, которое впервые произошло этим вечером.

– Почему ты никак не возьмешь себе пиво?

– Сегодня слишком ответственный день, чтобы пить.

– Рассказывай.

Марк с довольным выражением лица поставил последний вымытый стакан на полотенце и подошел ко мне, обойдя барную стойку. Он ловко запрыгнул на соседний высокий стул и, опомнившись, налил себе в только что помытый стакан пиво с крана.

– Рассказывай, – довольно повторил Марк, словно не замечая того, что повторился.

– Одна девушка пригласила меня поболеть за нее на прослушивании в нашей филармонии.

– Так тем более! Стоит выпить для уверенности.

– Нет, – отрезал я, – это немного другой случай.

Марк одобрительно потрепал меня за плечо и показал на прозрачную дверь, которая вела на задний дворик. Нет, он вовсе не выгонял меня. Этот жест означал, что пришло время выйти на перекур. Я послушно сполз со стула и последовал за ним.

На самом деле я даже не имел представления, что значит этот “другой случай”. Однако я чувствовал, что так оно и было. Меня не покидала уверенность в том, что я должен прийти на прослушивание трезвым, как стеклышко.

– Как хоть зовут этот случай?

– Эсси.

– Мило.

Марк подсунул мне сигарету и поднес огонь к моему лицу.

– Выглядишь прекрасно, Тео. Сам не хочешь прослушаться? – усмехнулся Марк, закуривая после меня.

– Еще чего.

Дворик “151А” был совсем не большим. Большую часть площади занимала старенькая деревянная веранда, крышу которой заменял огромный парашют, заброшенный на бревна-стойки. Мы сидели внутри веранды на гнилых табуретках, которые вместе же и спилили из цельных бревен прошлым летом. Вспомнился сосновый бор. Правда вместо хвойного запаха, я чувствовал не менее приятный запах мокрого асфальта и сигаретного дыма. Марк громко затянулся и продолжил разговор.

– Я вот, что подумал. Разве в нашем возрасте люди ходят

на прослушивания?

– Выходит, что так.

– Мне казалось, что прослушивания устраиваются для детей до шестнадцати лет. Сколько лет твоей Эсси?

– Ты меня в чем-то подозреваешь? – я еле заметно улыбнулся. – Между прочим, моей первой любовью была несовершеннолетняя девушка.

– И что такого? Моя первая любовь тоже не достигла совершеннолетия.

– Но ничего такого у нас... – перебил я его.

– Ясное дело. У нас тоже, – в ответ перебил меня Марк, и мы замолчали.

Словно убедившись в законности нашего разговора, солнце отработало свою рабочую смену и закатилось куда-то за соседнюю улицу. Мы остались сидеть на заднем двореке, плотно закрывшись ото всех за плотной сумеречной ширмой и парашютом. Сквозь прозрачную дверь было видно, как в бар стали заваливаться посетители, которые также отработали на сегодня свои смены и теперь хотели расслабиться за парочкой литров пива.

– Моей первой настоящей любви тоже не было восемнадцати.

– Дай угадаю. Она настоящая из-за того, что ты страдал по ней?

– В точку.

– Хочешь сказать, что такая любовь обязательно несет за

собой страдания? – недоверчиво спросил я, подняв правую бровь.

– Конечно. Разве станешь ты переживать о вещах, на которые тебе наплевать?

Марк встал с табуретки и стряхнул пепел, который осыпался на темные брюки. У барной стойки скопилось уже достаточное количество народа, и он обязан был вернуться на рабочее место.

– Тебе, наверное, пора.

– Да, пожалуй.

– Давай, Тео. Не теряйся.

– Удачи, Марк.

До начала прослушивания оставалось ровно полчаса. Филармония находилась всего в нескольких минутах ходьбы от бара. Я мог позволить себе прогуляться по “Черепашке” и привести в порядок свои мысли. Сев на ближайшую ко входу скамью, я раскрыл компактный томик “Норвежского леса”, который всегда носил с собой. Мне удалось пробежаться глазами по паре строчек прежде, чем меня отвлек прилетевший из ниоткуда сизый голубь. Он подлетел прямо к моим ногам и уставился на меня своим бестолковым глазом. Я смотрел на него в ответ, не моргая. Меня внезапно охватил животный страх перед этой придурковатой птицей. Она явно обладала навыками одноглазого гипноза, тем самым заставляя ее бояться. Я инстинктивно ожидал нападения с ее стороны. Сжимая в руках “Норвежский лес”, я приготовился

к худшему. В конечном итоге этот пернатый кретин взлетел в моем направлении, отложил свой вселенский знак на мой ботинок и свернул в другую сторону.

Я серьезно боялся животных, поэтому считал подобный исход вполне приемлемым. Как говорится, отделался легким испугом. Встав с насиженного места, я сорвал листок с куста и как можно сильнее протер им кроссовок. В каком-то подавленном настроении я направился в сторону филармонии.

Прослушивание проходило в роскошном здании дома культуры классицистического стиля. Благородный желтый оттенок внешней отделки фасада, огромные колонны с греческими ордерами при входе и тяжелые дубовые двери, которые возможно было открыть, только приложив непомерные усилия. Не исключено, что эти ворота просто не хотели пускать в помещение таких, как я. Иначе я никак не мог объяснить, каким же образом старушка передо мной с завидной легкостью открывала эти двери и пробиралась внутрь. Наверное, то был очередной вселенский знак. Он явно намекал на то, что мне пора записаться в зал.

Интерьер в доме культуры был не менее великолепен, чем экстерьер. Красная ковровая дорожка стекала мне под испачканные кроссовки с шикарной парадной лестницы. Сами полы из светлой керамической плитки блестели, как если бы их тщательно намывали после каждого посетителя. Даже запах в помещении стоял чистый и благородный. Казалось, что именно здесь прослушиваются музыканты в личный президентский оркестр.

Краем глаза я заметил стойку администрации, за которой стоял молодой парень с короткой стрижкой и выбритыми висками. Такая стрижка была очень популярна среди представителей моего поколения. Он был одет в стильный твидо-

вый костюм цвета хаки, на котором прочно висел бейдж с именем Гектор. С виду парень был не старше меня, однако выглядел превосходно или как минимум дорого. Наверняка греб деньги лопатой, работая в таком заведении.

– Подскажите, пожалуйста, где сейчас проходит прослушивание? – спросил я, подойдя поближе.

Гектор окинул меня презрительным взглядом с головы до пят и ничего не ответил. Я молча смотрел на него, а он открыто пялился на мои кроссовки. Скорее всего его очень интересовали остатки голубиных отходов на них. Я собирался язвительно уточнить этот момент, однако решил проявить терпение взамен на информацию. Смирение могло гарантировать мне встречу с Эсси. Через несколько секунд Гектор все же убедился в своем бесподобном положении относительно моего, неприятно улыбнулся и указал пальцем на коридор справа от лестницы.

Я медленно двигался в указанном им направлении и вот, что мне вспомнилось. В детстве я сам учился игре на фортепиано, но в какой-то момент забросил это дело, так и оставшись любителем самоучкой. Часто люди, услышав мою игру, убежденно говорили, что это талант. Я им не верил ни на йоту, так как сами они по большей части ничего не смыслили в музыке и в основном просто пытались мне польстить. Устав от подобного отношения со стороны и от бесперспективности моего положения, я забросил фортепиано и занялся художественной графикой. Посадите меня теперь за ин-

струмент, и я смогу сыграть по памяти не более десятка простейших композиций.

У входа в концертный зал я заметил Эсси. Она снова изображала пленительные приливы и отливы морской волны. Ходила из стороны в сторону в своем голубом платье. В этот вечер оно смотрелось ярче обычного, словно отражало душевное состояние носителя. Подобная эстетика была наповал. Ранен. В этот момент Эсси повернулась и произвела контрольный выстрел голубыми глазами. Убит.

Она бросилась ко мне со всех ног и обняла за плечи, отчего я словил временный паралич мышц, как козел при стрессовой ситуации.

– Ты как нельзя кстати! Я должна выступить следующим номером, но что-то начала сильно волноваться, – затараторила Эсси.

Я плохо умел сочувствовать, поэтому никогда не был способен кого бы то ни было успокоить. Все, что я мог сделать – так это отвлечь ее от волнений, хотя бы немного сменив тему.

– Я не знал, что ты пианистка.

– Мне вчера очень хотелось заинтриговать тебя тем листочком, – заулыбалась она.

– В этом есть смысл.

– Зачем ты подложил мне свиной паштет?!

Она изобразила истинное возмущение, но делала это неискренне. Играючи. Внезапно в зале послышались хлопки,

которые спасли меня от дальнейших оправданий. Это означало, что кандидат закончил свое выступление, и жюри лениво провожало его со сцены своими аплодисментами.

В оригинале это звучало как “хлоп-хлоп-хлоп”. Но в переводе на человеческий отчетливо воспринималось как “вали-вали-вали”.

Слабо послышался голос одного из членов жюри.

– На сцену приглашается Эсси Ла...

– Мне пора, Тео! Пожелай мне удачи!

– Уда...

Дверь захлопнулась, оставив желанную удачу на пороге вместе со мной. Вернее сказать, ее часть. “Уда” я бережно передал Эсси и сложил в небольшой карман ее легкого платья. Только вот “чи” оставил при себе. Я все никак не мог предположить, что мне с этим “чи” делать. Возможно стоило использовать его с пользой и что-нибудь почитать. На массивной двери висел список участников прослушивания. Первой выступала девушка по имени Виктория. В значение имен я не верил, но на всякий случай пожелал ей поражения. Вторым номером шла девушка по имени Эсси Лауда.

Я прислонился к стене и, стараясь не издавать никакого скрипа, приоткрыл дверную створку, чтобы хоть немного расслышать выступление Эсси. Внутри никого не было, кроме самого жюри, поэтому я стеснялся зайти. Я не знал, было ли это закрытое прослушивание, либо же никто не пожелал сюда явиться. Возвращаться к Великому Гектору за инфор-

мацией о мероприятии мне как-то не хотелось.

Неожиданно для всех, Эсси не стала исполнять что-то из репертуара классиков. Она бодро играла какой-то наивный детский мотив, который показался мне очень знакомым. Ко всему прочему, она прекрасно пела. Я не мог поверить своим ушам.

Спустя несколько секунд я вспомнил, кому принадлежали эти сладкие мотивы. Эсси исполняла песню Регины Спектор на английском языке, строчки которой переводились приблизительно так:

Две пернатые птички

Обещают, что навсегда останутся вместе,

Но одна из них никогда не слезет с этого провода.

Говорит, что слезет, но она просто врет.

В какой-то момент я совсем забыл о былом стеснении и стал смело заглядывать сквозь щель между двумя дверьми. Эсси самозабвенно пела, закрыв глаза. Было видно, что быломu волнению не было места в ее душевном исполнении. Она плавно и свободно двигала головой в такт песне. Каждая высокая нота в исполнении Эсси воспринималась, как звонкий и короткий поцелуй в лоб. Низкие ноты позволяли представить то, как она нежно обвивает своими руками твою шею так, что у тебя захватывает дыхание.

Ближе к завершению выступления ее темные кудри раз-

метались по всему лицу, но ни капли не помешали девушке закончить свое дело. Зажав последнюю ноту, Эсси шепотом допела последние строчки песни.

Члены жюри искренне рукоплескали ее исполнению. Такие аплодисменты означали не что иное, как “браво”. Совсем не привычное “следующий” и все в этом духе. Эсси птичкой спорхнула со стула и низко поклонилась, выбросив крылышки далеко назад. Вместо того, чтобы выйти за кулисы, как все остальные участники, девушка ловко прыгнула со сцены и полетела через весь зал к дверям, за которыми я прятался все это время. Заметив мой шпионский глаз за несколько метров, она засмеялась и начала бежать вдвое быстрее прежнего.

Снаружи стоял совсем иной запах, нежели внутри. Если там мне пришлось стать частью какого-то великого таинства, то теперь я наконец чувствовал себя в своей тарелке. Запахи слегка мокрого асфальта, выхлопных газов и скромно цветущей зелени смешались в городской ароматный коктейль ночи.

– Здорово, правда? – спросила Эсси, как только мы выбрались на улицу.

Всю дорогу от зала до выхода из здания мы молчали. Она старалась отдышаться, и я это прекрасно понимал, поэтому не донимал ее никакими речами.

– Не знаю. Я ничего не слышал, – я пожал плечами.

– Врешь!

– Нет, я же не птичка номер два.

Она разразилась смехом и ударила меня в плечо. Ранен.

– Ты знал, что очень нравишься мне с самого начала?

Убит.

Прошло не мало времени с тех пор. Если бы я вел летопись своей жизни, то с уверенностью пропустил бы пару-тройку глав, связанных с этим временным промежутком. Все, чем я занимался, так это махал ручкой на прощание марту, апрелю и даже маю.

– Проходите, проходите, господа, не задерживайтесь, – говорил я им и спешно похлопывал их ладонью по пятой точке.

Наверняка июнь был бы удивлен такому гостеприимству. Признаться честно, я и сам не понимал, зачем он был так нужен мне. Возможно, мне хотелось посмотреть на все происходящее со мной под другим углом. Летним. Либо я боялся того, что все прошлые события были всего лишь последствиями весеннего обострения.

Кстати, подобным образом я отмахивался и от Юнис. Разница заключалась лишь в том, что я не похлопывал ее по пятой точке. Я вообще не касался Юнис, пытаюсь полностью ограничить себя от общения с ней. Хоть и довольно-таки безуспешно. Она по какой-то причине приклеилась ко мне, как банный лист. Я отказывался от встречи с ней не меньше дюжины раз, но все равно получал сообщения, звонки и даже письма. Не сказать, что я был как-то против встреч с ней, скорее у меня просто не было на это времени и достаточно-го желания. Однако ее игра с письмами мне чем-то даже по-

правилась. Я виделся с Юнис каждый день в стенах университета, но не обменивался с ней ни единым словом. Всего лишь ждал письма. Так удобнее.

“Хорошо выглядел сегодня. Сложилось ощущение, что ты впервые за несколько месяцев смог выспаться. Хоть ты и постоянно чем-то занят. Возможно, скоро я вовсе перестану писать тебе. Пока же непременно продолжу это делать в ожидании наших встреч. Или хотя бы встречи. Одной. Надеюсь, внутри тебе так же хорошо, как и снаружи.”

Вот, что написала она мне как-то раз. После прочтения я взял лист формата А4 и прямо по центру микроскопически вывел:

“Спасибо.”

Не поленился и сходил на почту. После этого с чувством выполненного долга поехал в университет на последнюю лекцию по культурологии. Предмет вела приятная женщина пятидесяти лет. Она говорила вкрадчиво и часто улыбалась, рассказывая забавные истории из культуры прошлых веков. Например, сегодня шла речь о вшах, которые в Средневековье назывались божьими жемчужинами. Чем больше у тебя было вшей, тем больше ты был свят в те времена.

Я искренне не понимал полное отсутствие интереса сокурсников к культуре и философии прошлого. Наверное, я был чуть ли не единственным человеком, которому было любопытно это направление. Большая часть студентов на лекции занималась своими делами. Кто-то делал уроки по дру-

гим дисциплинам, кто-то играл в мобильные игры, а кто-то сладко спал, уперевшись лбом в пустые тетради для конспектов.

Осуждать кого-либо не имело никакого смысла. Каждый из нас по-разному расставляет приоритеты. Особенно легко было понять тех, кто провалился в приятную июньскую дремоту. Аудитория плохо вентилировалась и готова была разморить всяк сюда входящего. Я сам с трудом мог сконцентрироваться на теме и часто отвлекался на чужие затылки.

Параллельно вникая в выжимку о культуре Средневековья, я рассматривал темный затылок Юнис. С некоторой уверенностью я отметил то, что раньше он обладал каким-то особым свечением или аурой по сравнению со всеми остальными затылками моих одноклассников. Сейчас же он ничем не выделялся из толпы и, кажется, больше не принадлежал близкой мне девушке по имени Юнис. Скорее хозяйкой этого затылка была едва знакомая мне одноклассница, имя которой начиналось на букву Ю или что-то вроде того.

Как только пара закончилась, я направился в столовую, чтобы выпить местный растворимый кофе. Университетская столовая выглядела максимально просто, чем и привлекала мое внимание. Никакой тебе музыки, как в остальных заведениях общественного питания. Только линия раздачи и маленькие непрочные столики с расстеленной на них клеенкой.

В столовой я питался только голыми макаронами за четырнадцать рублей, запивая их кофе за двадцать. Все осталь-

ные позиции студенческого меню были мне не по карману. Отдавать девяносто рублей за котлеты мне не позволяла жабба с невероятно крупными лапами. Порой схватится мертвой хваткой за шею и начинает душить что есть силы.

Я подобрал на выдаче чашку с предварительно насыпанным в нее растворимым кофе и налил в нее кипятка. Получив таким образом бодрящее месиво, я расплатился за него на кассе.

Тучная женщина за кассой потянулась за двумя пакетиками сахаром, чтобы отдать их мне.

– Мне сахар не надо, – сказал я в пяти тысячный раз за все время обучения.

Макароны сегодня не приготовили, поэтому мне пришлось взять только кофе и тоскливо сесть за дальний столик с пустым желудком. Такое бывает. Я медленно пил горячий кофе и обратил внимание на одну деталь, которая ускользала от меня на протяжении трех лет обучения в университете.

Мой взгляд привлекла толпа китайских студентов. Они обучались в нашем университете ежегодно. Их компании всегда были очень обособлены, но в то же время многолюдны. Теперь же плотный китайский комок толкался недалеко от проема двери. Произведя несколько рокировок, они отошли от проема и также кучно отправились на линию раздачи.

Как оказалось, все это время там стоял небольшой рукомойник. Ни я, ни кто либо другой из моих знакомых за три года ни разу не подходили к нему. Моим же алиби была ско-

рее невнимательность, нежели отсутствие понятий о гигиене.

Так или иначе меня приятно удивила гораздо большая чистоплотность совсем не знакомой мне нации, которая подавала хороший пример своим отношением к здоровью и культуре. Я открыл свои конспекты по культурологии и, отыскав раздел о Древнем Китае, записал на полях:

“Чистоплотные китайцы. Это здорово.”

Итак, я отмахивался от весны, Юнис и в какой-то степени даже от Марка. Скажем так, исполнял роль члена жюри. Я с каменным лицом хлопал в ладоши и нетерпеливо ждал чего-то большего, но точно не от них. Хлоп-хлоп, вали-вали.

Продолжал подрабатывать в книжном магазине “Ремарка” и готовиться к экзаменам. Но главным было то, что за неполных три месяца я побывал во всех концертных залах нашего города.

Эсси ожидаемо прошла отбор в форме прослушивания и затем взяла первое место на музыкальном конкурсе. Всю весну она выступала то тут, то там. Концерты проходили как в бюджетных ресторанах, так и на главных площадках города. Разумеется, за это время я не пропустил ни одного выступления. Всего насчитал двадцать восемь. Мне было важно слышать весь репертуар Эсси, как если бы каждое из исполнений как-то зависело от меня. Но нет, это была полностью заслуга моей, может быть, девушки.

Хотя как минимум одно из них точно зависело от меня. Примерно треть репертуара составляли песни Регины Спектор. Сама Эсси говорила, что творчество уроженки Советского Союза было для нее неким талисманом. Эсси даже обратилась в Sire Records, официальный лейбл Регины, чтобы своевременно разобраться с авторскими правами и закон-

ным исполнением нескольких ее песен. Вот и в этот раз третьим номером должен был исполняться “Dance Anthem Of The 80’s” с альбома 2009 года.

Выступление проходило в небольшом концертном зале. Я по своему обыкновению сидел на первом ряду, чтобы видеть перед собой только ее и никого больше. Конечно, огромной массы слушателей там собраться никак не могло, но тем не менее я насчитал порядка сорока голов. От этого предстоящее исполнение элементарной в плане сложности песни было еще менее волнительным. В ней было всего четыре аккорда: до-диез мажор, соль-диез мажор, си бемоль и, наконец, фа-диез мажор. Даже я с незапамятных времен помнил их постановку на клавишах фортепиано. Сложно сказать, как так вышло, но, по всей видимости, об этом наверняка знала и Эсси. Хотя мы собирались вместе на репетиционной базе всего пару раз, чтобы немного поразвлекаться поочередной игрой на синтезаторе.

– Леди и джентльмены! Спасибо, что пришли сегодня! – внезапно объявила Эсси, встав из-за фортепиано перед тем, как сыграть “Dance Anthem”.

Она выдержала небольшую паузу и обратилась к залу в поисках понимания. Все послушно приготовились слушать пианистку в голубом платье.

– С вашего позволения я приглашу на сцену моего очень хорошего знакомого! – продолжила Эсси и посмотрела на меня.

Хорошо, что шел всего третий десяток моих лет. Прошло бы еще столько же, и я гарантировано словил бы инфаркт. Я почувствовал, как мои щеки загорелись от стыда. Волосы моментально взмокли. Вместе с ними ладони, подмышки, ноги и лоб. Вот это я понимаю – прилив. Я с надеждой тоскливо развернулся ко всем сидящим позади меня. Несколько секунд они недоуменно смотрели на Эсси. Но потом прямо на моих глазах их лица озарились улыбками. Все же мало кто может устоять перед харизмой этой молодой кудрявой брюнетки. Я их прекрасно в этом понимаю. Сорок голов синхронно закивали и начали громко аплодировать. “Вали-вали! На сцену!”, подгоняли они. Что ж, мне не оставили выбора.

– Его зовут Тео! – подбадривала толпу Эсси, взмахивая руками.

Я в каком-то трансе шагал по ступенькам на сцену и думал только об одном. Меня зовут Тео. Я – Тео. Сейчас сыграю я.

Сев за фортепиано, я почувствовал, что смог преодолеть свой страх. После чего понял, что на самом деле ощутил нечто большее. Сорок головастиков испарились вместе со своими сиденьями. Та же участь ждала и зрительские балкончики, театральный занавес, саму сцену, а затем и стены по всему периметру. Все это постепенно превратилось в пыль и улетело, гонимое каким-то прибрежным бризом. Я остался совсем один. Даже Эсси, которая была со мной практически ежедневно в течение нескольких месяцев, куда-то

исчезла. Нет, я вовсе не испугался. Мне стало хорошо и спокойно на душе. Наверное, именно так должен выглядеть идеальный для меня мир. Обычное белое пространство, как бесконечный песчаный остров без океана. Хотелось бы, конечно, вырастить на нем красивую плодovitую пальму по имени Юнис или Марк, но попозже. Сейчас мне надо разобраться с испарившимся бескрайним океаном, которого звали Эсси.

До-диез мажор. *Ты.*

Соль-диез мажор. *Такой.*

Си бемоль. *Милый.*

Я проснулся от какого-то коматозного состояния от того, что Эсси нежно касалась моих рук. Она играла песню мной, словно марионеткой. Хорошо придумано. Так мне было легче влиться во внезапное выступление. Она помогала мне до какого-то момента, пока не удостоверилась в том, что я все правильно помню. Эсси отошла от меня и продолжила петь:

Мальчики и девочки наблюдают друг за другом и кушают.

Она внезапно побежала так, что платье вздымалось вверх, словно собираясь устроить залу самое настоящее цунами. Оббежав фортепиано, Эсси в прыжке села на него. Подобному действию не последовало никакое противодействие, словно она совсем ничего не весила. Эсси свесила стройные ноги, начала задорно болтать ими и дальше протягивать строчки песни:

Они хотят видеть друг друга спящими, спящими, спящими.

Ты. Такой. Милый.

– Соло! – вдруг крикнула она.

Я послушно начал играть соло. Конечно, мне пришлось импровизировать. Это была занимательная секция в этой песне, так как из-за своей задорности и ребячливости любая импровизация звучала гармонично и всегда в тему. Эсси полностью доверяла мне, как и ставшие мне родными головастики. Наверное, как раз это и придавало мне уверенности в исполнении. Как хорошо, что все вы здесь. На моем острове.

Я отстукивал высокие ноты, как сам Билл Эванс, и в какой-то момент краем глаза заметил то, что Эсси медленно направлялась ко мне, словно кошка. Оказавшись в паре метров, она молниеносно прильнула ко мне, медленно положив ладони мне на пальцы. Это был знак снизить темп мелодии. Я знал это, потому что не раз слышал полное исполнение этой песни. Как только я начал играть спокойнее и тише, Эсси незаметно кивнула уже в знак одобрения и аккуратно положила мне голову на плечо.

*Я прогуливаюсь по городу, словно пьяная, но это не так.
Немного пошатываясь, словно пьяная, но это не так.*

Невесомые руки Эсси обвивали мою талию. Она начала петь тише, как бы мне на ухо. Океан вернулся и теперь нежно омывал берега моего острова. Он прогонял свой морской ветерок от края до края, наполняя песок свежестью и влагой. Кроме самого песка там ничего и не было, поэтому ветер беспрепятственно достигал каждой точки острова, заменяя ему пальмы всего мира.

Прошло много времени с тех пор, как ко мне притрагивались.

Теперь же ко мне притрагиваются постоянно.

Эсси наклонилась еще ближе. Теперь ее губы практически касались моей щеки, а волосы полностью закрывали мне обзор. Как маленькие пляжные крабики, по телу пошли мурашки. Я уже привык отыгрывать эти четыре аккорда, поэтому смог продолжить играть вслепую, лишь время от времени добавляя от себя что-то новое.

Важно лишь кто.

Важно лишь когда.

То были последние слова песни. Я мягко прожал фадиз-мажор и отстранился от фортепиано, как ошпаренный. Казалось, что головастики собрались своими аплодисмента-

ми обрушить стены местного концертного зала. Я с непри-
вычки начал прикрывать уши. Эсси смотрела то на меня, то
на зал и широко улыбалась. Девушка была явно довольна та-
ким номером.

– Спасибо! Спасибо большое! С вами были Эсси и Тео! –
сказала она, как только аплодисменты хоть немного начали
стихать.

Эсси легонько толкнула меня в спину, заставив покло-
ниться публике вместе с ней. Затем взяла меня за руку и по-
тянула за кулисы. Занавес.

Если не считать Эсси, то единственным человеком, с которым я добровольно продолжал видеться время от времени, был Марк. Я забегал в “151А” гораздо реже, чем раньше, но тем не менее посещал своего друга около двух раз в неделю.

К лету бар заметно изменился. К рисункам толстых женщин без одежды прибавились рисунки худых женщин, которые тоже были совершенно голые. По правде говоря, их харизма даже рядом не стояла с обаянием толстушек. По этой причине тонких девушек вскоре покрасили и вместо них появились изображения макак всех сортов и размеров. Одну из них я нарисовал сам, посадив ее за нарисованный стол рядом со своим привычным местом в дальнем углу. Одинокая макака с густой черной шерстью левой рукой держалась за темное пиво, а правой задумчиво курила, глядя себе в стакан.

Я не любил цвет в рисунке и уважал только черно-белую графику, поэтому мой ахроматический макак сильно выбивался из общего числа яркой обезьяньей стаи. Пока все остальные шимпанзе и прочие нелюди с глупым видом ползали по стенам и катались на лианах, мой сородич спокойно сидел на своем месте и с умным, вполне себе человеческим, видом осматривал пенящийся стаут перед собой.

В отличие от него я по-прежнему практически не притрагивался к алкоголю и приходил поболтать с Марком всего на

несколько минут перед очередным выступлением Эсси. Он явно не был рад такому раскладу, хоть и очень старался войти в мое положение. Он знал, какова была основная причина того, что я пропал из его жизни.

– Когда ты приведешь Эсси познакомиться? – устало говорил Марк.

– Наверное, скоро. А что?

– Ты проводишь с ней вместе уже третий месяц. Конечно, мне интересно узнать, какая она.

– Я понимаю, – нехотя проговорил я.

– Покажи хотя бы фотографию.

Я тоскливо посмотрел на свои руки, сложенные на барной стойке, словно ожидая, что из ниоткуда в них прилетит фотокарточка моей возлюбленной в голубом платье. Подумав о том, что у меня вероятно нет ни единой фотографии Эсси, я достал смартфон и открыл галерею снимков. Пусто. Открыл поисковик и торопливо ввел в него “Эсси Лауда”. Снова пусто. Все это время Марк недоверчиво наблюдал за моими действиями.

– Может ты ее выдумал? – засмеялся он.

– Господи, конечно, нет. Я виделся с ней только позавчера.

– Ладно, верю.

– Есть листок и ручка?

Марк достал для меня из-за барной стойки художественные принадлежности, и я принялся рисовать ее портрет по

памяти. Я сильно торопился в страхе забыть прелестные черты лица Эсси, словно никогда больше ее не увижу. набросок вышел грязным и немного непропорциональным, но в целом хорошо передавал все особенности ее внешности.

– Красивая.

– Да, это так.

Марк около минуты разглядывал листок с изображением Эсси с таким взглядом, что чуть было не начал ревновать. По итогу он забрал набросок себе и повесил на стену бара позади. Затем взял толстый перманентный маркер и крупно написал снизу листка:

“РАЗЫСКИВАЕТСЯ – Эсси Лауда.

Награда за поимку: бокал светлого пива.”

– Очень смешно, – прыснул я.

Успешно закрыв сессию, я с позволения родителей начал собирать свои вещи для временного переезда на дачу. Взяв с собой только самое необходимое, я готовился к потенциально лучшему лету в своей жизни.

Отпросившись у Вивианы с работы на несколько дней, я двинулся в путь. Сел на подходящий автобусный маршрут и высадился на остановке, которая находилась в пятнадцати минутах ходьбы до дачного участка. Под солнцепеком я шел вдоль длинного ряда машин. Яркие солнечные лучи падали на капоты и лобовые стекла автомобилей так, что автомобили напоминали мне светодиодную ленту гигантских размеров. Эта лента вела к узкой тропинке, которая тянулась сквозь редкий перелесок к дачным участкам. В дичайшем страхе проползая мимо стаи бездомных собак и домашних коров, я подошел к нашему двухэтажному дачному домику и зашел на участок.

Как оказалось, июль и август считались не сезонными месяцами в нашей филармонии. Эсси также разрешили уйти в отпуск вместе со мной, но до самого конца лета. Я подробно описал Эсси местоположение своей дачи за день до переезда и теперь мне оставалось лишь ожидать ее в своих дачных объездах. Складывалось ощущение, что вся природная экосистема только и ждала нашего воссоединения с Эсси. Цве-

ты росли так, как никогда раньше. Они старательно тянулись как можно выше, чтобы достойно встретить девушку-волну. Одобрительно гудели пчелы. Воробьи щебетали, сообщая о том, что на время прекратят питаться плодами вишневого дерева.

Я покачивался в гамаке и глядел на небо в тот момент, когда Эсси добралась до моего участка. Она незаметно прокралась к гамаку со слепой зоны и мгновенно забралась в мой кокон. Мы плотно лежали друг к другу, как сардины в консервах, и, переполнившись неизмеримым счастьем, молча заснули.

Я проснулся ближе к вечеру и никого, кроме себя, в гамаке не обнаружил. Стояла гробовая тишина. Казалось, что пчелы и воробьи не просто уснули, а напрочь вымерли. В сумраке цветы напоминали тощие когтистые лапы. Я никак не мог понять, какое из событий было явью, а какое сном. Свет в окнах дома горел, поэтому я решил направиться туда. Приготовившись к худшему, я осторожно открыл входную дверь.

– Не знала, что ты можешь так долго спать, – услышал я еще до того, как полностью заглянул в помещение.

– Эсси?

– Кто же еще, милый?

Она стояла за плитой и готовила нам на ужин сорванные с грядок кабачки, которые предварительно обваливала в муке. Пахло кофе и жареным. Чашка двойного эспрессо уже ждала

меня на столе. Еще теплая.

– Ты положила сахар?

– Нет, ты же пьешь без него.

– Все так.

Я громко хлебал кофе и потихоньку приходил в себя. Эсси возилась с кабачками как всегда в голубом платье. Разве что фасон юбки немного отличался от обычного. Он был слегка короче прежнего.

Сверчки потрескивали снаружи, а кабачки на сковороде – внутри. Кроме повсеместного треска вокруг не было ни единого звука. Я решил поговорить с Эсси, чтобы не раствориться в этой хрустящей реальности.

– Какой твой любимый цвет?

– Желтый.

– Э-эм. Ладно.

Эта девушка мало того, что всегда появлялась из ниоткуда, так еще и была максимально непредсказуема. Я смиренно сидел за столом с пустой чашкой кофе и разглядывал остатки кофейной гущи. Образовавшаяся картинка показалось мне забавной, но я даже не догадывался о том, что она символизирует.

– Эсси?

– Да?

– Что означают головы, получившиеся из кофейной гущи?

– Откуда же мне знать, Тео. Я в этом не разбираюсь.

– Потому что не веришь?

– Именно так, – хихикнула она.

Никак не разобравшись в этом вселенском знаке, я стал любоваться Эсси. В нее я верил изо всех сил. Стройная и очень высокая фигура ловко скакала от плиты к разделочной доске и готовилась, по всей видимости, достаточно плотно поужинать. Подол голубой юбки вторил движениям прекрасных черных локонов, придавая изящества и гармонии ее кулинарному танцу.

На первый день Эсси сотворила прекрасный ужин из кабачков.

На второй день мы сотворили музыкальный дуэт и играли Битлз на старенькой акустической гитаре, которую нашли всю в паутине на чердаке дачного домика. Отыграв часовой концерт Жуков, мы принялись исполнять песни других исполнителей. Дэвид Боуи сменял Сплин, а последовавший после них Элтон Джон перекрашивал в яркие цвета мрачную дорожку, оставленную кавер-версиями песен Радиохед.

– Сколько?

– Ровно тридцать пять.

Эсси нахмурила свои тонкие темные бровки и отняла у меня гитару.

– Не люблю цифру пять! Нужно сыграть хотя бы еще одну песню.

Тихо заиграла “Silhouettes Of You”, которую в оригинале исполняет Айзек Грейси. Эта песня всегда практически до-

водила меня до слез. Эсси мягко пела ее, понизив голос, чтобы больше походить на Айзека. Она бойко стучала по струнам, и каждый ее удар сопровождался волной, бьющей по сердцу. К концу песни глухая боль усилилась, отчего мне пришлось прикрыть глаза и некоторое время задержать дыхание.

Прежде, чем провалиться в сон, мы с Эсси лежали под одеялом и ожесточенно спорили на протяжении нескольких минут.

– Я не плакал! – четко проговаривал я, рассекая словами ночную темноту.

– Сам знаешь, что это неправда, – миролюбиво отвечала Эсси и гладила меня по голове.

На третий день создания нашего мира я сотворил неплохой рисунок на крупном клочке бумаги. На нем был изображен парень, который стоял на коленях и обеими руками держался за сердце. Лица он не имел и никаких гримас не корчил, но его позой я постарался передать сильные болезненные ощущения в районе грудной клетки. Сквозь нее пролетал силуэт девушки в длинном платье со звездами. Парень склонялся к земле в то время, как она парила в воздухе и причиняла ему страдания.

– Она плод его воображения? – спросила Эсси.

– Я об этом не думал. Скорее призрак былой любви.

– А-а.

– Но твое предположение мне понравилось.

Она на мгновение тоскливо улыбнулась и задумалась. Эсси сидела на диване, поджав ноги, и осторожно держала перед собой листок с рисунком. Она едва касалась его, словно он был каким-то ценным музейным экспонатом.

– Интересно, что хуже? Фантазия или фантом? – не отводя от картинки взгляд, спросила она.

– Наверное, первое. Призрак имеет в основе образ реального человека и никак не отдаляет главного героя от нашего мира. Наоборот, приземляет его и держит плотнее обычного, повышая гравитационную постоянную его души.

Я отпил кофе, чтобы немного отдышаться от своего внезапного потока мыслей. Эсси перестала смотреть на листок и теперь удивленно пялилась в мою сторону.

– Фантазия же, наоборот, выступает в роли ширмы между главным героем и всего остального мира. Она ограждает его не только от всех тревог, но и от радостей жизни.

Глоток кофе.

– Наверное, это невероятно больно.

Эсси медленно встала из своей позы и вышла из комнаты. Я молча смотрел ей вслед и продолжал потягивать свой эспрессо. Через несколько минут она вернулась с куском скотча и повесила рваный листок на стены в гостиной.

– Это моя любимая картина. Иначе и быть не может, – шепотом говорила Эсси, не отрываясь от двух персонажей с печальной историей.

На четвертый день мы сотворили вечерний марафон кинофильмов и посмотрели все любимые нами фильмы. Я показал Эсси “500 дней лета” моего любимого режиссера Марка Уэбба, а она мне “Грязь” Джона Бэрда.

Перед сном мы обсуждали поведение главного героя из рекомендованного мной фильма. Так и не придя к единому мнению насчет него, мы доели гигантскую порцию кабачков в кляре и легли спать.

– Прекрасно его понимаю. На его месте я бы поступил точно так же.

Эсси молчала.

– Том не уверен в себе, поэтому порой принимает неправильные решения, – продолжал я.

В ответ тишина.

– Это не банальная история о любви. Она о взрослении главного героя и его восприятии мира, понимаешь?

Я повернулся к Эсси. Она спала.

На пятый день мы могли сотворить детей, но передумали и весь день играли в видеоигры до поздней ночи. В три часа все же вернулись в постель с омертвевшими глазами и начали беседовать, пытаясь вернуться к реальности.

– Это так здорово. Быть всегда вместе с тобой, – говорил я, стараясь при лунном свете разглядеть деревянный потолок.

– Но мы не всегда вместе. Например, когда спим, – возра-

зила Эсси, тем самым сажая меня на поезд мыслей.

– Важно то, что каждый день мы просыпаемся и засыпаем рядом.

– Не уверена... К сожалению, я не чувствую тебя поблизости, когда сплю.

Обычно я мог закипеть в моменты, когда люди настойчиво противоречат чьим-либо словам. Я стойко придерживался мнения одного из персонажей “Триумфальной арки”, который утверждал, что стремление спорить свидетельствует об ограниченности духа. Однако Эсси делала это мягко, показывая свою крайнюю заинтересованность. Она явно не собиралась мне что-то доказать, а лишь хотела как-то развить мою точку зрения.

Поезд моих мыслей издал громкий гудок и на всех парах помчался по стенам дачного домика в полной темноте. От такого мысленного движения я привстал с кровати и сел, опершись на локти.

– Представь, что со сном наступает твоя смерть. Разве ты не хочешь перед этим провести последние секунды своей жизни, лежа на кровати в моих объятиях?

Эсси не отвечала, а я продолжал сидеть на кровати и думать, не наговорил ли я лишнего. Сверчки спали, кабачки не жарились. В этот раз с улицы громко трещал отпугиватель кротов.

Эсси вздохнула и тоже привсталала с кровати. Она приползла на мою сторону и обняла меня со спины, положив острый,

но нежный подбородок мне на плечо.

– Мы всегда будем вместе.

Шестой день сотворения нашего с Эсси мира оказался завершающим. Мне необходимо было вернуться к работе. Я собрал большой походный рюкзак, в который сложил все свои вещи и немного овощей с грядок. Эсси ничего не брала с собой, но все же не смогла уйти с пустыми руками. Она прихватила с собой пакет крыжовника и листок со стены, на котором несколько дней назад я изобразил парня и летающую девушку.

– Мы еще вернемся сюда? – с надеждой спросила Эсси, заведя на горизонте автобус. Он направлялся в нашу сторону.

– Обязательно, Эсси. Даже не сомневайся, – ответил я и немного привстал на носочки, чтобы поцеловать ее в лоб.

В этот прекрасный июльский день я впервые смог выкроить время и посетить “151А”. Прежде, чем это сделать, я все вчерашнее утро сидел за своим рабочим столом и прокручивал гелевую ручку между пальцами. Мне предстояло сделать огромный скачок для одного Тео, но маленький шаг для всего человечества. Передо мной стыдливо лежал чистый белый лист, как одинокий нудист на общественном пляже. Ни упрекать, ни одевать его в буквы как-то не хотелось.

Сидели мы так с ним в полном стеснении около пяти минут.

– Тео, дорогой, возьми ручку и начни уже писать, – умоляло правое полушарие мозга.

– Только попробуй! Я тебе такое задам! – агрессивно возмущалось левое.

Я закрыл глаза в попытке сохранить нейтралитет. Птички за окном тоже пытались мне что-то сказать, но, к счастью, их язык я уже не понимал. Так выслушав от них несколько летних симфоний, мне захотелось вновь предпринять попытки что-то написать.

За это время полушарии посовещались и решили изменить свои модели поведения. Поменявшись местами, они снова заговорили.

– Ну, пожалуйста, Тео, это ведь не так сложно, – на этот

раз ласково шептало левое полушарие.

– Нет, оно того не стоит! – в свою очередь скандировало правое.

– У вас имена хотя бы есть?

– Меня зовут Эль, – гордо ответило левое.

– А меня... Эпь, – неуверенно пробормотало правое.

Пока оба полушария были в замешательстве, у меня было время только на то, чтобы написать не более одной строчки по центру некогда чистой офисной бумаги. Я торопливо вывел размашистым почерком:

“ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21:00. НА НАШЕМ МЕСТЕ.”

Что вообще теперь может значить “наше место” для нас с Юнис? Я довольно долго сидел над этим словосочетанием и хмуро смотрел, словно ожидая от него какого-то ответа. В конце концов решил не искать в своих же словах никакого подтекста. Юнис поймет, что я имел в виду. Этого вполне достаточно.

Важным лишь было то, с какой вероятностью она получит это письмо. Я даже предположить не мог, как Юнис проводит начало летних каникул. Семестр закончился и испарился вместе с ней, словно она была одной из преподаваемых дисциплин. Мне оставалось надеяться на то, что Юнис продолжала жить в своей квартире или как минимум в этом городе. Всякое могло случиться. Я сложил письмо в конверт и отнес его на почту.

В марте я не соврал Эсси, когда сказал ей, что в моей памяти хранится огромное множество автобусных историй. По правде сказать, историями их назвать сложно. Скорее наблюдения за пассажирами. Вот и сейчас я сидел на заднем сидении автобуса и рассматривал людей. Пекло так, что меня спокойно можно было посолить, поперчить и подать на стол с яблоком во рту. Я, стиснув зубы, продолжал сидеть у солнечной стороны автобуса просто потому, что остальные места были заняты. Помимо этого, обзор с такого ракурса меня более чем устраивал.

Немного понаблюдав за пассажирами в салоне, я отвернулся к окну. Мы довольно долго стояли на остановке, поэтому я мог спокойно рассмотреть все то, что происходит, скажем так, во внешнем мире. Теперь же я сидел и разглядывал голубя, который отчаянно пытался разломить зачерствелый кусок хлеба. Он бил его об асфальт и делал это с завидным упорством. Движения голубя были уверенными и точными. Чем-то напоминали человеческие. Именно этим меня и зацепила эта картина.

Голубь хватал клювом кусок и размашисто, как метроном, долбил его около пяти раз. После этого цикла хлеб вылетал из клюва, и голубь неторопливо шагал к нему. Затем порядок действий начинался с самого начала. Парочка таких прогонов, и автобус начал свое движение.

Бам!

Первое, что пришло мне в голову, – голубь создал неве-

роятной мощности ударную волну, расколов свой злосчастный кусок хлеба. Второй мыслью шла вероятность того, что в правый бок автобуса только что прилетел залп из миниатюрной ракетницы. Не знаю, чьих рук было дело, голубя или минипутов. Однако тряска была далеко не слабой. После нее автобус сильно стал крениться на правую сторону, как если бы у него вовсе не было двух колес.

– Что стряслось-то? – кричала кондукторша, которая была длиннее в ширину, чем в высоту.

Водитель что-то неразборчиво проворчал в ответ.

– Поребрик? И опять подушка? – спросила она.

Я совсем не разобрался в технике. И уж тем более в автомобильной. Неужели какие-то подушки могут так сильно взрываться, подумал я. В таком случае, интересно, что именно сдетонировало. Пух или перья?

Так или иначе ничего критичного не стряслось. Мы продолжили ехать, но уже в наклоненном состоянии. Не сказал бы, что это вызывало какие-то серьезные неудобства. Просто все это было мне в диковинку. Обычно я все-таки хожу и езжу перпендикулярно земле.

Мне вспомнились не очень позитивные слова Юнис в адрес голубей.

– Я ненавижу голубей! – говорила всегда она. – Это летающие крысы! Переносят заразу и очень сильно воняют!

Теперь же я жду с нетерпением нашей встречи, чтобы подкинуть ей новую потенциальную причину их ненавидеть.

Как никак голубь, использовав хлебную ударную волну, подорвал половину автобуса со множеством пассажиров внутри. Вот Юнис обрадуется! Хотя не исключено, что это были минипуты с подушкой.

Я вошел в бар и увидел Юнис, которая уже сидела на привычном для нас месте в дальнем углу. Молчаливую компанию ей составляло мое художественное детище. Одинокая макака с черной густой шерстью. Покривив ртом, я собирался переложить ответственность за встречу на сотворенную мной обезьяну и как можно скорее свалить. Я сомнительно постоял в дверях около минуты и все же решил остаться.

Мне не хватало смелости на то, чтобы пойти к Юнис безоружным. Именно поэтому я преждевременно свернул к Марку, чинившему пивной кран за барной стойкой. Мне необходимо было хоть как-то вооружиться.

– Привет, Марк.

– Там Юнис, – бросил он, не отрываясь от ремонта.

– Я к ней и пришел.

– Господь Бог, вы снова вместе?! Где Эсси?

– Тихо, Марк! Мы никогда и не были вместе! – зашипел я на него.

Он вопросительно на меня уставился, словно я должен был продолжать как-то оправдываться за наши с ней неясные отношения.

– Я вообще не хочу здесь быть!

– И что же ты тогда хочешь?

– Чтобы ты смешал ей свой самый лучший коктейль, разве

не ясно? Такой, чтобы как-то вышло ее задобрить.

– Девушек задабривают цветами или подарками, а не алкоголем, осел, – теперь уже шипел Марк.

– Какая теперь разница, видишь же, что у меня ничего нет!

Он смотрел на меня так, словно я разговаривал не на человеческом языке, а в самом деле изъяснялся, как какой-то ишак.

– И-а, и-а, и-а!

– Я принесу вам его за стол, – мрачно заключил он.

– Спасибо! И мне пива. Холодного.

– Принесу фруктовое из холодильника, – раздраженно сказал Марк, кивнув в сторону разобранного крана.

Я пожал плечами, сделал глубокий вдох, наполнив воздухом полную грудь, и подошел к столику с макакой. За которым сидела Юнис. Она подняла голову и начала смотреть на меня какими-то стеклянными глазами. По какой-то причине легкие начали пылать огнем.

– Может сядешь уже? – нетерпеливо спросила она.

– Фу-у-ух.

Как оказалось, из-за волнения я забыл выдохнуть набранный ранее воздух. Юнис подняла одну бровь, изобразив замешательство, но ничего не сказала. Я сел за стол и начал нервно перелистывать меню, которое и без того знал наизусть.

– Куда ты дел все письма, которые я присылала?

Я их выкинул. И-а, и-а!

– Храню в картонной коробке.

– Зачем?

– Не знаю.

Марк с ехидным лицом принес мне охлажденное пиво зеленатового оттенка и громко поставил его на стол.

– Что за вкус?

– Кактус, сэр!

Юнис достался “Белый русский” со взбитыми сливками. Стало жарко. Я решил выпить по глотку за каждое выброшенное письмо, тем самым осушив почти весь бокал. Юнис, не отрываясь, смотрела на все это. Марк, который по какой-то причине остался стоять у стола, тоже. Я в ответ так же громко поставил бокал и со всей силы незаметно пнул Марка в ногу. Он тихо проматерился и пошел обратно за барную стойку.

– Кактусовое пиво залпом. Ты больше не пьешь по пять чашек двойного эспрессо в день?

– Нет, не так давно я словил передозировку кофеина.

– И как оно?

– Головокружительно, – не задумываясь, ответил я. – И головоболительно.

Какое-то время мы молча пили свои напитки и многозначительно рассматривали местный интерьер. Рядом с Юнис лежала маленькая прозрачная сумка, в которой покоился томик “Триумфальной арки”. У меня начало складываться

стойкое ощущение того, что эту книгу читали, если не все, то как минимум каждый третий человек на планете.

– Как тебе книга?

– Я соскучилась.

Мы произнесли свои реплики абсолютно синхронно. Как-то так вышло, что во вселенную было подано сразу две темы для разговоров. Они вылетели из наших ртов и столкнулись где-то посередине между нами. Хлоп, и исчезли прямо у нас на виду. Наверное, каждый из нас в равной степени хотел ответить, но и получить ответы на свои вопросы. Вот мы и продолжали сидеть молча и попивать то, что есть.

Юнис неторопливо перемешивала взбитые сливки трубочкой, словно что-то искала в стакане. Затем она подцепляла какую-то микроскопическую массу сливок и отправляла ее в рот. Сливков было много, а ела она очень медленно и уж больно в маленьких масштабах. Это начинало раздражать. Мне хотелось раскрыть рот пошире и вместе со стаканом вобрать в себя все содержимое вместе со сливками.

– Я тоже, наверное, скучал, – сквозь зубы проговорил я.

Со стороны барной стойки раздались звуки разбитого стекла вперемешку с металлическим грохотом и смехом. Кран снова развалился.

– Лучше бы ты ничего не отвечал.

– Ладно.

Я допил пиво и повернулся к Марку, показывая на пустой бокал с целью попросить добавки. Он отрицательно помотал

головой, прикрывая рот ладонью. Я послушно развернулся к Юнис. Только сейчас я заметил, как она изменилась. Лицо немного осунулось, на нем отчетливо выделялись впалые глаза. Волосы свисали с плеч и чем-то напоминали черные влажные лианы.

Юнис уловила мой взгляд.

– Как ты не понимаешь? Я без тебя, как птица без крыла, – сказала она шепотом так, чтобы Марк не услышал.

– Скорее, как автобус без двух колес, – пробормотал я, разглядывая пустой бокал.

– Что это вообще значит? – она спросила это спокойно и откинулась на спинку стула. Кажется, что таким сравнением она была не очень довольна.

– Сильно кренит в одну сторону, но вроде едет.

Юнис внезапно вытаращила на меня глаза. На секунду мне показалось, что я ее довел и у нее случился сердечный приступ.

– Ты – идиот, – прошептала она.

Она продолжала смотреть на меня еще несколько мгновений и покатила со смеху. Я облегченно выдохнул. Юнис смеялась настолько искренне, что напоминала Эсси в наш первый день знакомства. Отпив небольшой глоток “Белого русского”, она вновь заговорила серьезным тоном.

– Марк рассказал мне о твоей новой девушке.

– Спасибо, что сделал это за меня.

– Почему ты не сказал мне об этом сам?

– Потому что я – идиот.

– И осел! – добавил Марк со стороны барной стойки.

Мы просидели с ней еще какое-то количество времени, болтая о том, о сем. Мне понравилась наша обстановка, в которой каждый из нас троих обменивался репликами, но при этом имел свои заботы.

Так, например, Марк возился с пивным краном. Он постоянно смеялся во время починки, поэтому кран вновь и вновь разваливался на части.

Юнис имела при себе черную тоскливую макаку. Обезьяна молча сидела с ней с самого начала и терпеливо ждала чего-то, покуривая бесконечную нарисованную сигарету.

Я был со своим пустым стаканом, в котором некогда переливалось кактусовое пиво. Добавку мне запретили, и это действительно меня заботило.

Перед тем, как разойтись, Юнис достала ручку и записную книжку. Она быстро начала в нее что-то писать. После чего резко выдернула страницу и передала ее мне. На ней был написан незнакомый мне ранее адрес и номер телефона.

– До конца лета я перееду от родителей в съемную квартиру. Возьми себе, чтобы не потерять, хорошо?

– Спасибо, – пискнул я, как если бы снова микроскопически выводил это слово, но уже вслух.

Я действительно был благодарен, но пока не знал, за что. Возможно, я чувствовал вину за то, что резко отдалился от Юнис, так ничего и не обсудив. Эмоции, которые возникли

во мне при встрече с ней, напоминали мне то, что я испытываю, навещая свою прабабушку. Я как бы говорил Юнис: “Привет, меня зовут Тео! Прости, что я так редко тебя навещаю, но пойми – у меня теперь своя жизнь.”

Чтобы добраться до дома, я сел на тот же самый маршрут и занял себе стоячее место в конце салона. Рядом со мной толкались еще двое парней. Мягко говоря, они были очень примечательны, особенно когда стояли вплотную друг к другу.

Один из них явно принадлежал к богатой семейке, отчего становилось неясно, что он забыл в тесном общественном транспорте. Парень носил синий кашемировый костюм в крупную клетку. Он держался достойно, но одна деталь все же сильно выбивалась из его образа. Именно из-за нее сложно было определиться с тем, какое впечатление произвел на меня этот человек. Дело было вот в чем. Прямо под аккуратно подстриженными рыжими висками виднелись очень грязные уши. Нет, вовсе не в том понимании, в котором мы привыкли это слышать. Грязной до черноты была сама ушная раковина. Такой вот нюанс.

Второй же, наоборот, с ног до головы был покрыт застывшей грязью. Но, стоит отметить, уши его были идеально чистыми. Помимо этого, скорее всего он не был психически здоров. Парень постоянно улыбался и заглядывал в лица людей, создавая им сильный дискомфорт. От него несло чем-то неприятным, в некоторых местах с одежды свисали грязевые сталактиты, поэтому он чем-то напоминал мне лешего

из сказок, но пока очень юного. Стоял этот Леший впритирку с Рыжим. В этом и был весь цимес ситуации.

Мажор смотрел то на чумазого соседа, то на его ботинки с сантиметровым слоем грязи. Они выглядели так, как если бы он только что вылез из болота и зацепился за автобус, в котором мы ехали.

Рыжий демонстративно отвернулся, но продолжал время от времени оборачиваться на обувь Лешего, как бы проверяя, насколько близко он к нему стоит. На его гладком лице периодически расплзалась гримаса какого-то тихого ужаса. Но самое забавное было то, что сам Леший ни о чем не подозревал. Он лишь продолжал жутковато улыбаться рядом стоящей девушке. По сравнению со мной и даже с Рыжим он был как бы не от мира сего. Плод человеческого воображения, который явился к нам со страниц какого-то юмористического рассказа или сатиры. Впрочем, то же самое можно было сказать и о Рыжем. Он так же имел свои колоритные черты характера, которые выделяли его среди остальных.

Моя же особенность заключалась в том, что я абсолютно ничем не выделялся на их фоне. Скажем так, я был массовкой для этого представления. Такой вот нелюбовный треугольник вышел у нас с ними. Мы продолжали стоять и недоверчиво наблюдать друг за другом еще пару остановок. По истечению этого времени я задумал авантюру, которая позволила бы мне выйти на новый уровень и перестать быть массовкой.

Рыжий был в предсмертном состоянии только от вида кроссовок Лешего. Казалось, что стоило бы последнему приронуться к отпрыску богатой семьи, как он поспешно бы окочурился. Как козел в стрессовой ситуации.

Я незаметно просунул ногу между ними и тихонько пнул Рыжего в пятку со стороны Лешего.

– Нет! Нет! Нет! – на весь салон закричал Рыжий.

Он отпрыгнул в сторону и начал расталкивать людей, чтобы пробраться к выходу. Я давился со смеху, ведь я вовсе не ожидал настолько сильной реакции со стороны парня. На следующей же остановке Рыжий пулей вылетел из салона, и я остался наедине с вымышленным Лешим.

Такая вот история.

– Здорово! – сказала Эсси.

Мы сидели с ней на автобусном вокзале и курили одну сигарету на двоих. Так начинался для нас сентябрь.

Как я был гостеприимен к июню, так и июль с августом отнеслись ко мне благосклонно. В оставшиеся летние месяцы я смог устроиться на еще одну подработку. Это была несложная работа в одном из концертных залов города. Там, где чаще всего выступала Эсси. Мне выдали бархатную бордовую жилетку, растянули уголки рта в улыбке и поставили в коридор перед концертным залом. Я встречал гостей, помогал им найти себе места и, в случае чего, мог как-то их проинформировать до начала выступления. Делал я это гораздо более дружелюбно, чем Гектор. Он был администратором

именно этой филармонии. Помимо того, что зарплата была более чем достойной, я мог приходить на выступления Эсси в этом зале совершенно бесплатно.

Вот так набив наличными кошелек и дорогим “Парламентом” карман, я сидел на вокзале в ожидании поездки в Москву. Это была запланированная экскурсия для моей учебной группы за счет университета. Как только я прознал об этом, то тут же побежал в деканат, чтобы уточнить всего один небольшой организационный вопрос. Там мне и сказали, что я могу взять с собой еще одного человека, но только в том случае, если кто-то из студентов сам откажется ехать. Я в течение часа смог уговорить одного непримечательного паренька отказаться от поездки за небольшую сумму денег.

Заплатил пятьсот рублей за то, чтобы Эсси разрешили поехать со мной. Считаю, что лучшее денежное вложение придумать невозможно.

– Посмотри на это облако, – сказала она, – оно так похоже на чье-то лицо.

– За несколько миллионов лет люди так привыкли видеть человеческое лицо, что...

– Что легко могут заметить его очертания в любом объекте.

– Именно.

– Не хочешь перекусить? Я сбегаю в ларек нам за шаурмой, – спросила она, покончив с сигаретой.

– Да, давай. Деньги есть?

Она утвердительно кивнула и радостно побежала за провизией. Шаурму и прочую вредную пищу Эсси обожала. Как она сама говорила, вся эта вредность на нее никак не влияет, поэтому она может позволить себе есть все, что только пожелает.

Конечно, о моей просьбе по поводу Эсси так или иначе прознали все одноклассники и одноклассницы. В том числе и Юнис. Она подошла в компании своих новоявленных подружек ко мне.

– Тео, ты сегодня не один? – язвительно спросила одна из подруг, которая чем-то отдаленно напоминала капибару.

– Да.

– И где же твоя подружка?

Она улыбалась, словно прямо сейчас похитила Эсси и знала, что она больше не вернется. Я рефлексивно начал злиться из-за такой мысли.

– Ушла за шаурмой, – буркнул я.

Настроения разговаривать с ними совершенно не было. Оно отпало еще больше после того, как я увидел подавленное лицо Юнис.

– Ну, все с тобой ясно, – заключила Капибара и засеменила со всеми куда-то в сторону.

Юнис осталась стоять на месте. Она ждала, пока вся толпа девушек не уйдет как можно дальше. Потом подошла ко мне, резко взяла под локоть и увела в сторону.

– Что с тобой произошло, Тео?

– О чем ты?

– О том, что мне рассказывает про тебя Марк!

– Откуда мне знать, о чем он треплется за моей спиной!

– Ты приводил к нему свою Эсси?

– Да, и что? Ревность разыграла?

Юнис раскрыла рот, словно хотела что-то возразить, но остановилась. Своими словами я будто бы открыл маленький пивной кранчик, установленный в ее теле. Прямо при мне из него вытекала жизнь Юнис. Струилась и пенилась, ударяясь об асфальт, на котором лежал окурок, оставленный Эсси. Юнис больше не могла сказать ни слова, а на глазах начали выступать слезы.

– Ты не просто идиот, ты...

– Привет, что-то стряслось? – появилась Эсси, держа в руках одну двойную шаурму.

Юнис резко развернулась и пошла прочь, так и не договорив свою реплику. Все-таки интересно, кем же я стал. Теперь я даже не заслуживаю быть идиотом.

Автобус подъехал раньше времени. Разумеется, в салон с шаурмой, которую только что принесла Эсси, нас не пустили. Тем не менее нам позволили спокойно доесть ее снаружи, так как по графику мы должны были отправиться в путь только через пять минут. Этого времени вполне хватало, чтобы закинуться перекусом и войти внутрь. Эсси поглощала свою половину шаурмы приблизительно с такой же молниеносной скоростью, как и я до нее.

Мы вошли в автобус и решили, что комфортнее всего было бы засесть в самом конце салона. Я развалился на своем месте и уперся коленями в спинку впереди стоящего сидения, из которого торчал огромный болт. Я закричал, чем привлек внимание Эсси. Она тихонько пискнула от визуальной боли и посмотрела на меня жалостливыми глазами.

– Сильно больно?

– Вовсе нет.

То же мне попытка испортить настроение перед поездкой! Главное, что даже здесь со мной была Эсси. Я откинулся на мягкое сидение и почувствовал неприятный и непривычный запах в салоне междугороднего автобуса. Пахло сыростью и горелым маслом. На окнах висели тонкие рваные занавески темно-синего цвета. Как только автобус затарахтел и двинулся с места, Эсси резким движением отодвинула их в сторону и взяла меня за руку.

Солнце взошло не так давно, но уже успело проснуться от ночной спячки. Оно почистило свои лучистые перышки и приготовилось выполнять свои ежедневные обязанности. Щедро делиться витамином D, радовать организмы своим участием в фотосинтезе и светить мне промеж глаз.

В этот раз на моей стороне был густой перелесок, который прорастал вдоль проезжей части. Он изредка позволял светить солнцу сквозь деревья, и то всего на незначительное мгновение. Казалось, что жалкое светило использовало азбуку морзе для передачи сигнала “SOS”.

Через какое-то время я вспомнил об Эсси, которая тихо дремала на моем плече. Я медленно повернулся к ней, чтобы посмотреть на это милое сонное создание. Едва ли я мог поверить в ее существование, она казалась мне идеальной.

– Тео! Тео! – меня настойчиво кто-то звал.

Голос раздавался из передней части салона автобуса. Спустя два-три повторения моего имени, я понял, что это была Юнис. Как оказалось, она сидела через одно сидение от меня. Я высунул голову в проход и увидел, что ее голова уже болталась в нем.

– Мне все равно нужно с тобой срочно поговорить, – шипела она, стараясь не привлекать внимание остальных студентов.

– О чем? – я снова прикидывался дурачком или идиотом.

– О тебе.

Почувствовав какое-то движение с моей стороны, Эсси подняла голову и слабо улыбнулась. Это не могло меня не расстроить, так как я вовсе не собирался как-то ее тревожить.

– Нет! – со злостью шикнул я на Юнис и повернулся к Эсси.

Она с силой растерла свои глаза и подняла голову на меня. Я заметил свое отражение в ее голубых зрачках. Не иначе, как остров посреди синего-синего океана.

– Хочешь, послушаем вместе музыку? Я прихватила с собой наушники.

– Да, конечно.

Мне хотелось как-то отвлечься от Юнис. Визуального барьера между нами могло не хватить, поэтому я торопливо принял от Эсси правый наушник. Я привык к тому, что она в любой момент могла захотеть слушать музыку. По большей части тех исполнителей, о которых я практически никогда не слышал, но несмотря на это, я всегда оставался довольным ее выбором.

– Сейчас я включу тебе Каору Исибаси. Его мелодии отлично подходят для путешествий.

– И не поспоришь.

– Ты слушал его? – она не смогла скрыть своего удивления.

– Нет, просто я тебе доверяю.

– А–а. Здорово!

Она включила альбом “Otoiyaги” и вновь вложила свои руки в мои. Ладони были холодные, как металлический фонарный столб зимой. Казалось, мне стоило только прикоснуться к ним языком, как я бы перманентно прилип.

– Ты так замерзла!

– Не обращай внимания. Я очень скоро согреюсь, просто обними меня покрепче.

Я сделал все так, как она велела. Руки и впрямь очень быстро начали отогреваться и с каждой песней становились теплее на несколько градусов. Не знаю, по фаренгейту или по кельвину, но главное, что не по цельсию.

Экскурсия проходила в выставочном центре, в котором были представлены работы советских архитекторов в определенном стиле, название которого я уже никак не вспомню. Все, что я запомнил, так это то, что их стиль был как-то связан со строгой геометрией форм. Эсси была очень рада возможности приехать на эту выставку, так как хорошо разбиралась в искусстве и подобных вещах.

Я бесцельно ходил по огромному круглому залу, пока Эсси порхала от нарисованных красных квадратов к черным треугольникам, от макетов из прямых палочек к макетам из кривых полосочек. Все это мне было сложно воспринять, но тем не менее я понимал, что такое искусство имеет место быть. Каким-то шармом оно все же обладало.

Растерянно шатаясь между двумя колоннами черного и синего цвета в одиночку, я обнаружил Юнис. Она с любопытством разглядывала какой-то экспонат. Это было переплетение тонких стержней различных оттенков. Внутри композиции располагалась маленькая моделька человека. Он смиренно сидел на стуле, сложив руки на колени.

Я остановился рядом с Юнис и молча разглядывал ленточного пленника. Признаться честно, мне было стыдно за то, что так резко оборвал ее просьбу поговорить со мной. Я хотел извиниться, но не мог подобрать слова. Вдруг вспом-

нил о вопросе, повисшем где-то в глубинах вселенной.

– Как тебе книга?

– Очень интересно.

– Все живы-здоровы?

Она грозно посмотрела на меня. У Юнис была привычка делать хмурое лицо, когда она удивлена или что-то не понимает. Я знал это, поэтому просто улыбнулся в ответ.

– Страшно, конечно, читать. Ремарк обычно не пишет о счастливой и вечной жизни.

– Это точно...

Сейчас во вселенной погас огонек незавершенной ранее темы. Теперь нас ничего не связывало, и мы не имели ничего общего. Я вместе с Юнис продолжал смотреть на человечка, думая о своем.

– Ты играешь на фортепиано, верно? – спросила она.

– Да, давно это было.

– Ну, смотря, что для тебя давно.

Юнис засмеялась и недоверчиво на меня посмотрела.

– Почему спрашиваешь?

– Мы могли бы сыграть дуэтом.

– Я не так хорошо играю, как ты думаешь.

– Все мастера своего дела так говорят, – сказала она и махнула на меня рукой.

Юнис порылась в сумочке и достала из нее веточку сирени, которую, судя по всему, сорвала где-то по пути в выставочный центр. Взяв ее кончиками пальцев, она осторожно

просунула руку между ленточками и положила сирень на колени человечку. Нечаянно сорвав одну ленту со своего места, она не стала ее поднимать.

– Я понимаю, что не должна была так давить. Дело в том, что я очень за тебя волнуюсь. Марк тоже.

– Нет причин переживать. У меня все хорошо.

– Эсси, верно?

Я кивнул и начал вертеть головой в поисках Эсси. Она по-прежнему с интересом изучала разноцветную геометрию советских времен. Юнис тяжело вздохнула.

– Как вы познакомились с ней?

– Я не помню... А, точно, в книжном магазине. Она покупала “Морфий”. Самое интересное то, что я встретил ее тем же вечером в “Микс-уй”. Мы тогда были с тобой вместе и пили яблочную настойку, это я хорошо помню.

– Вкусно было! Жаль, что ты тогда ушел.

– Да, мне тоже.

– Правда?

– Ты хочешь, чтобы я сомневался?

– Нет.

– И я – нет.

Все это время мы стояли перед человечком и общались, не глядя друг на друга. Перед тем как уйти, Юнис попросила чаще навещать Марка.

– Признаться честно, он сильно скучает по тебе.

Она улыбнулась и пошла на выход из зала, оставив меня

наедине с моими мыслями по поводу связанного с ней прошлого.

Потеряв Юнис из виду, я спешно попытался вернуть композицию в прежнее состояние, но все мои попытки оказались безуспешными. Жаль, конечно, было все так оставлять. Я ведь уже привык к прежнему окружению этого человечка. Хотя, стоит отметить, что Юнис как-то смогла привнести жизнь в эту постановку. Все перестало выглядеть таким строгим и мрачным. У человечка появилась сирень и выход из ленточной ловушки справа от него. Стоило только руку протянуть, и он на свободе.

По дороге назад в салоне было тихо, как на кладбище. Студенты весь день провели на ногах и теперь отсыпались на мягких сидениях автобуса. Я и Эсси были одними из немногих, кто бодрствовал. Мы молча держались за руки от начала до конца поездки. Вернее сказать, от конца до начала. Мы же ехали в обратную сторону.

Иногда мы поворачивали головы друг к другу, и один из нас спрашивал другого:

– Что?

– Ничего, – отвечал второй.

Улыбнувшись мы снова разъезжались своими головами кто-куда. В этот раз я сидел у окна и наблюдал за луной, которая ездил по ночному небосклону со скоростью автобуса. Невероятно мало для такого могучего светила, подумал я. По крайней мере луна хорошо освещала лицо Эсси, добавляя его бледному оттенку благородство и загадочность.

Мы познакомились с ней полгода назад. Она была такой жизнерадостной при свете дня, несмотря на жуткий потоп в магазине. Осенняя ночь ей явно не была к лицу. Казалось, что ее энергия, словно ковбой, закатилась за горизонт верхом на солнце, напоследок громко крикнув: “Йи-и-иха!”

В какой-то момент я не выдержал и спросил.

– Все хорошо?

Он повернулась и, тускло сверкнув глазами, ответила:

– Конечно, просто устала.

– Это похоже на правду, – уверенно заключил я.

Поздним вечером мы приехали на родной городской вокзал и вышли под открытое ночное небо. Студенты устало рассыпались в разные стороны. Кто-то вызывал такси, а кого-то забирали заботливые родители на машине. Двое парней отбились от общего потока и собрались идти пешком домой, свернув во дворы. Они напоминали сказочных персонажей, которые отправились за Кольцом Всевластия на вершину вулкана. Один из них был невероятно высоким и имел светлые длинные волосы. Второй же, наоборот, был низким. Он семенил за первым, потряхивая своей довольно густой для своего возраста бородой. Я провожал их взглядом, пока Эсси не отвлекла меня от внезапного полета фантазии. Она сказала:

– Мне придется ненадолго уехать к родственникам, ты не сильно расстроишься?

– Конечно, нет. То есть да. Насколько? – я говорил слегка неуверенно.

– Всего пару дней. Если мне придется задержаться, то я обязательно позвоню, хорошо?

– Договорились.

Мы присели на поребрик перед железнодорожным вокзалом и молча смотрели на звезды, держась за руки. Парал-

лельно зданию позади него тянулась железная дорога, а за ней – пустота. Бескрайнее поле, из-за которого казалось, что стоит только сесть на поезд, и ты больше никогда не вернешься в родной город.

– А что за девушка разговаривала с тобой в поездке? По моему, ты ей очень нравишься, – вдруг сказала Эсси.

– Ты про Юнис?

– Да.

– Мы часто виделись с ней до тебя. Ходили в “151А” вместе. Пили кофе или пиво и общались с Марком.

– Наверное, ты тоскуешь по тем временам?

– Совсем немного. Мне нравится быть с тобой не меньше, чем с ними.

– Стоило бы встретиться с Марком и Юнис, пока я в отъезде, да?

– Да... Последний раз я был в баре в июле.

– Со мной? Это же очень давно!

– Мне не понравилось то, как на нас смотрел Марк. Но ходить в бар без тебя у меня нет времени.

– Ну, теперь ты его найдешь. Сам, наверное, скучаешь по ним.

– Да.

Словно услышав в моем согласии какой-то призыв к действию, Эсси встала с поребрика и отряхнула свое платье. Она смотрела на вокзал с таким интересом, словно видела его впервые. Постояв так с минуту, она обернулась и посмотрел

на меня сверху вниз. На лице Эсси еле заметно проскользнула печальная улыбка.

– Настанет время, и я обязательно приглашу тебя в гости. Нужно только немного подождать, хорошо?

Я кивнул и тоже встал с поребрика. Мы взялись за руки и направились в сторону вокзала. Я чувствовал себя подавленно, несмотря на то, что наша разлука не должна была длиться долго. Эсси ни разу меня не обманывала, и ее слова всегда внушали доверие. Тем не менее тревожные ощущение, которые возникли по дороге на вокзал, вцепились мне в глотку и не отпускали. В горле образовалась пробка из комков.

Я молча шел вслед за Эсси и тяжело дышал вплоть до того момента, пока она не села на первый попавшийся поезд дальнего следования. Это должно было показаться странным, но я не находил слов, чтобы что-то возразить. Не исключено, что она заранее посмотрела расписание поездов и всего лишь подгадала время.

После этого вечера она испарилась. Вернее, всего лишь ненадолго уехала. Она мне сама так сказала.

В книжном магазине я подрабатывал теперь всего три-четыре раза в неделю. В оставшиеся дни меня вызывали на работу в концертном зале, чтобы я вновь встречал любителей классической музыки в вестибюле городской филармонии. Выходных я больше не имел. Зато имел собственную съемную квартиру в спальном районе на краю города. Помимо прочего я смог поближе познакомиться с Великим Гектором.

Несмотря на то, что он был довольно неприятной личностью, его разговоры порой занимали меня больше, чем любое произведение Нила Геймана. Так уж вышло, что наши обеденные перерывы часто совпадали, и нам приходилось время от времени перекидываться несколькими репликами. Сначала каждый из нас делал это неохотно, но потом мы с удовольствиями собирались во время обеда и общались о пустяках. Дело в том, что Гектор в самом деле был выходцем из богатой семьи, поэтому его восприятие мира меня очень интересовало.

Как-то раз я обедал чашкой двойного эспрессо. Гектор сидел передо мной и с упоением уплетал бисквитные макароны и зеленый чай из термоса. Он презрительно посмотрел на меня, приподняв свой курносый шнобель, и передал мне один из своих макарон. Затем спросил, что я пью.

– Двойной эспрессо.

– Спать охота?

– Да.

– Знаешь, как начать свой день в стиле Гектора? Бодро и со вкусом, – гордо заявил он.

– Я заинтригован.

– Как только звенит будильник, я выпрыгиваю из кровати и, сжав кулаки, кричу, что есть мочи...

Гектор говорил таинственно и медленно, но затем молниеносно встал со стула так, что тот отлетел далеко в сторону. Он сжал кулаки и басисто закричал:

– Да-а-а!!!

На крик Гектора сбежался весь персонал, который находился в радиусе двадцати метров от комнаты. В основном это были женщины пенсионного возраста. Они ругались на Гектора, то и дело упоминая, как сильно он их достал. Одна из старушек взялась за швабру и начала носиться за ним по комнате. Гектор засмеялся и начал бегать от нее вокруг стола, хаотично хватаясь за него руками. Я сидел смиренно и глядел на то, как он смел подаренный мне макарон на пол и случайно раздавил его ногами. Хорошо, что кофе был выпит до последней капли.

Однако вернемся к моей квартире, которая в жизни не видела этих бисквитных макарон. Зато ей хорошо были знакомы макароны в виде мучных трубочек за сорок рублей из ближайшего магазина.

Однокомнатный клоповник был для меня крепостью мечты. Несмотря на ужасное состояние квартиры, я души в ней не чаял. Я любил возвращаться в нее поздно вечером после работы, один за другим включать альбомы Каору Исибаси на неплохой стереоаппаратуре и задумчиво потягивать “Винстон” за кухонным столом, так как балкона у меня не было вовсе. Мне пришлось заменить марку сигарет на более дешевую из-за того, что почти все расходы уходили на арендную плату и коммунальные услуги.

Я с трудом открыл глаза и вспомнил рассказ Гектора о его способе просыпаться по утрам. Почти неделю я пытался воспользоваться довольно специфичным советом по борьбе с утренней сонливостью. Каждый раз я чувствовал себя последним идиотом, пока мои соседи стучали по батареям, полностью разделяя мою точку зрения по поводу моей адекватности. Стоило мне только перестать так делать, как я словил полный дзен и день за днем постепенно восстановил свой режим сна.

Я тихо лежал на кровати и внимательно разглядывал осветительный прибор в спальне. Это была голая лампа, которая, повиснув на нескольких кабелях, покачивалась на потолке из стороны в сторону. Я мысленно перевернул ее в своем сознании и обнаружил, что она очень напоминает цветок. Если быть точнее, то розу. Переплетенные между собой кабели образовали ствол, очищенный от колючек. Сама энерго-сберегающая лампочка была белоснежным бутонем. Вокруг

нее летала муха. Она примерила на себя роль трудолюбивой пчелки.

Тишину нарушил громкий стук в дверь.

– Эсси? – пересохшими губами проговорил я и напоследок поглядел на муху, которая самозабвенно долбилась в потолок.

Я кое-как продрал глаза и натянул на себя халат. Спустя минуту мы с Марком стояли в коридоре и глядели друг на друга, похлопывая глазами. Я кивнул и молча двинулся на кухню, чтобы заварить себе растворимый кофе. В последнее время я стал навещать его чаще обычного, но, признаться честно, без особого желания. Сам Марк был рад моим появлениям, а как узнал, что у меня теперь есть своя квартира, стал время от времени заходить в гости.

Высоченный Марк повесил свое тяжелое длинное пальто на крючок в коридоре и направился ко мне на кухню. Крючок с грохотом отвалился от стены. Никто из нас не обратил на это особого внимания. В последнее время все вокруг рушится с завидной частотой. Если слишком зацикливаться на этом, то можно и крышей поехать. Я, как и Марк в свое время, смог выработать надежный иммунитет к невзгодам.

Он зашел на кухню и молча сел напротив меня. До выхода оставалось чуть больше часа, поэтому я предложил ему чай или кофе.

– За кого ты меня принимаешь? Я знаю, что у тебя в холодильнике целый мини-бар.

– Хочешь пива? – сдался я.

– Конечно, спрашиваешь еще.

Я с грохотом поставил перед ним охлажденную пивную бутылку. Открывашки у меня не было, поэтому обычно мы открывали пиво об древний стол, который я забрал с барахолки за сущие гроши.

– Какой-то ты раздраженный в последнее время, – выдавил он, не успев сделать глоток.

– В какое такое последнее?

– После поездки в Москву ты как с цепи сорвался. Занял всю неделю рабочими сменами и теперь даже пива друзьям не предлагаешь. Когда в последний раз ты выбирался в бар?

– Мне нужны деньги, чтобы снимать квартиру.

– Так зачем ты работаешь в этом книжном магазине? У тебя прекрасный заработок в филармонии, ты мог бы полностью посвятить себя...

– Хватит! Мне не до советов со стороны, я должен выходить.

Я больше не хотел продолжать этот диалог, поэтому решил соврать и выйти на работу пораньше. Быстро схватив свой рюкзак, который уже лежал у моего стула, я направился к двери.

– Стоять, Тео.

Я начинал закипать от злости. Остановился посередине кухни, но не стал оборачиваться. Зацепился взглядом за валившийся на полу крючок, а слухом за протекающий в ванне

кран. Жаль, что не пивной.

– Я знаю, что сейчас слишком рано выходить на работу.

– И что с того?

– Где Эсси, Тео?

Марк задал этот вопрос, четко проговаривая каждую букву. “Э” – энциклопедии. “С” – сказки. “С” – сборники рассказов. “И” – исторические хроники. Все это имеет свой стеллаж в книжном магазине “Ремарка”. Интересное совпадение.

– Она тебе даже не нравилась. Какое тебе дело?

– Где она? – настойчиво продолжал Марк.

– Мне все равно.

– Почему?

– Потому что она уехала! Вместо обещанных нескольких дней я не видел ее уже почти месяц.

Я развернулся к нему, чтобы высказаться, но увидел, что лицо Марка как будто бы засияло и потом вновь приобрело обеспокоенный оттенок. Я сделал вид, что не заметил этого, и постарался вести себя спокойнее.

– Она писала или звонила тебе?

– Нет.

Я не знал теперь куда деть свой взгляд. Пустыми глазами смотрел то на Марка, то на капельки влаги, медленно стекающие по бутылке. Он, в свою очередь, окидывал меня печальным взглядом с ног до головы.

– Я вызову тебе такси, но пообещай, что зайдешь после работы ко мне домой.

– Обещаю, – обессилов, выдохнул я.

Этим утром я приехал на работу слишком рано, поэтому, переодевшись заранее в бордовую жилетку, гулял по вестибюлю и насвистывал “Please Please Me”. Получалось довольно неплохо из-за хорошей акустики помещения. Сначала я полистал “Норвежский лес”. Потом сбегал проверить, хорошо ли настроено фортепиано. Потом по просьбе старушки-уборщицы вынес огромный пакет мусора. Со временем посетители постепенно начали собираться, но никого из персонала, кроме меня, и в помине не было. Гектор по своему обыкновению сильно опаздывал. Я начал приглашать гостей проходить в зал, обещая им при необходимости помочь с чем-либо. Некоторые вели себя очень любезно, а некоторые недоуменно улыбались мне, словно я их как-то обманываю.

Через пять минут в вестибюль с черного хода влетел Гектор. Он врезался мне в спину и ошарашенно повернулся на меня.

- Ты что напялил, балбес?
- Тебе не нравится моя новая обувь?
- Придурок.

Он всегда вел себя пассивно-агрессивно по отношению ко мне и не упускал возможности как-то подколоть, но обычно делал это по крайней мере более изящно и аргументирова-

но. Я с опаской посмотрел ему вслед и решил покинуть вестибюль.

Теперь я смиренно стоял с краю концертного зала рядом с выходом, который был занавешен шторой. Чувствовал я себя не слишком уютно. Возможно из-за того, что рабочая жилетка бордового цвета сильно жала в плечах. Форма работников была не слишком удобна. Только Гектору разрешали носить его отвратительный твидовый пиджак болотных оттенков. Ему позволяли многое.

Выступление все никак не начиналось. Оно и понятно, ведь на эту дату был запланирован концерт Эсси, которая направилась неизвестно куда и исчезла с концами. Неужели только я об этом знал? Сложно поверить, что она не предупредила организаторов о своем отсутствии заранее. На самом деле такой поступок внушал надежды на ее возвращение.

Я заметил, как ко мне через весь зал бежал главный постановщик ансамблей и всего прочего. Родители наградили его гордым именем Аякс. Он был приятным мужчиной невысокого роста и абсолютно лысой головой. По началу Аякс казался мне строгой и чересчур важной персоной, но стоило познакомиться с ним поближе, как в глаза начинали бить все его слабые стороны. Как оказалось, мужчина был очень суетлив и легко поддавался панике, хоть и был весьма смекалист.

Вот и сейчас Аякс выглядел так, словно его лицо было разделено пополам и принадлежало двум личностям разного ха-

рактера. Губы постановщика растянулись в победной улыбке, а глаза искрились от паники.

– Господи, Тео, вот ты где!

– Что у вас стряслось?

– Ясно что, сцена пустая!

Он внезапно замолчал. Его импульсивные порывы исчерпали себя, не успев вылиться на мою бордовую жилетку. Только сейчас я заметил, как его лысина взмокла от волнительной пробежки по залу.

– Ах вот оно что... – тихо проговорил он.

– Что?

Что-то невнятно пробормотав куда-то в сторону, он снова повернулся ко мне. Пожал мне руку и радостно заключил.

– Это здорово придумано!

Капельки пота на лбу все еще оставались на его местах. Паника прекратилась и спроса на них больше не было. Какие-то капли стекали по своим домам-порам. Какие-то оставались на месте, не зная куда им податься. Мужчина просветлел.

– Давай скорее на сцену, зрителям понравится такой номер!

– Но я не...

– Отставить! Ты и так уже давно здесь торчишь перед пустой сценой.

– Эсси...

– Играть не разучился, весь репертуар ты знаешь, вперед!

Он толкнул меня в спину и я по какой-то причине послушно зашагал к фортепиано. Я старался сохранить уверенность и быстро поднимался по ступенькам сцены к инструменту. Толпа начала громко аплодировать, время от времени издавая звуки удивления, перемешанные с восхищением.

Но я не Эсси. Я – Тео. Вот, что я хотел сказать им, но не стал этого делать. По-моему, публика ничуть не была огорчена подобным исходом. Возможно, кто-то из них был на моем давнем исполнении “Dance Anthem Of The 80’s” и сообщил соседям по местам о том, что волноваться не о чем. Так или иначе, головастики вновь оказались на моем острове и доверяли мне. Я не мог их подвести. Поэтому на всякий случай снял тесную рабочую жилетку и остался в одной белоснежной и мешковатой рубашке.

Я безупречно отыграл все композиции, которые обычно исполняла Эсси. Происходило это как-то машинально, поэтому я вовсе перестал волноваться после первой же композиции. Мне пришлось пропустить всего пару произведений, так как я не был уверен в том, что смогу отыграть их достаточно хорошо. Зато заменил их одной единственной композицией, которую Эсси никогда не включала в свой репертуар. Это была кавер-версия на песню “Samson”. Она фоном играла в книжной лавке, когда Эсси появилась там впервые.

Я закончил выступление и встал со стула. Поклонился один неполный раз и убежал за кулисы. Я видел, как аплодировали головастики, но не слышал этого, словно набрал в

уши несколько литров воды из-за сильного прилива. Никак иначе, ведь я на мгновение увидел волну по имени Эсси, которая сидела на первом ряду и радостно хлопала в ладоши.

Я бежал прочь из филармонии. Последнее, что я услышал, это были слова постановщика, которые звучали, как из громкоговорителя:

– Отлично сыграно. Все, как и всегда! Гонорар лежит в твоей гримерке.

Я сидел перед подъездом среднеэтажного секционного дома и неторопливо раскуривал красный “Винстон”. Повернувшись спиной ко внутреннему двору, я стал лицезреть маленькие кирпичные домики на соседней улице, которыегодились разве что под снос.

По телу игриво бегал легкий ветерок, стремясь забраться в каждую кожную пору. Он поднимался к волосам и подбрасывал их, ненавязчиво предлагая полететь вместе с ним в далекие дали. В волшебное таинственное путешествие.

С того момента, как я сюда пришел, здесь не было ни единого человека. Я сидел у подъезда не меньше десяти минут и тянул время. Звонить в домофон мне не хотелось, но и позволить себе уйти я не мог.

Наконец я развернулся обратно ко двору и заметил, что в нем буквально из ниоткуда появилась целая бригада грузчиков. Они шумно разгружали огромный грузовик, который был битком забит всякой мебелью и прочими деталями интерьера. Мне казалось, что прямо сейчас произошел какой-то сбой в матрице. Ведь еще буквально несколько секунд назад вокруг меня стояла абсолютная тишина.

Я встал и медленно поплелся к подъездной двери. Один. Два. Восемь. Домофон начал трубить и затем прервался на пронзительный визг. Магнит на двери отключился и позво-

лил мне открыть ее. Марк наверняка знал, что это был я, поэтому не стал выяснять, кто его беспокоит.

Я также неторопливо поднялся на четвертый этаж и добрался до квартиры Марка. Сняв с себя только обувь, я свалился на первый попавшийся кухонный стул и закрыл глаза. Последнее, что я услышал прежде, чем провалиться в глубокий сон, были слова Марка.

– Ты один? Что с тобой?

Мне пришлось проснуться от кошмарного грохота пермалываемых кофейных зерен. Образовав между двумя веками щель, я начал медленно крутить головой и оценивать обстановку. Кофемашина Марка издала предсмертный рев и кнопки со всеми основными разновидностями кофе погасли. На встроенном экранчике горела надпись: “Zaleyte vodu”. Мне стало невыносимо смешно смотреть на это словосочетание. Я начал представлять маленького Алекса из “Заводного апельсина”. В моем представлении он ежедневно молотил кофейные зерна своей тростью, то и дело роняя с головы черный котелок. Если Марк пил больше трех чашек кофе с молоком в день, то Алекс начинал возмущаться примерно так:

– Svolotsh! Koziol!

Я невольно прыснул от смеха и отвернулся от кофемашины.

– Что смешного? – тихо спросил Марк, который все это

время сидел в углу кухни.

– Даже не спрашивай.

Я сидел у Марка в небольшой, но роскошной двухкомнатной квартире и разглядывал свое отражение в сенсорной панели навороченного холодильника. Густые волосы отросли до подбородка и свисали, местами закрывая глаза. Лицо покрывала редкая и небрежная щетина, напоминая маленьких паучков, стремящихся заползти мне в рот или нос. Сами глаза явно собрались далеко в поход, поскольку каждый из них имел под собой огромный иссиня-черный мешок. В целом все выглядело так, словно я собирался вот-вот сбросить свою чешую и отрастить новую. С гримасой сильного отвращения к самому себе я отвернулся от черной панели и продолжил смотреть куда-то в никуда.

Я вспомнил девушку, которая молча сидела за барной стойкой и неподвижно смотрела на черное зеркало смартфона в “151А”. Тот парень, Виктор, так и не вышел с ней на связь тем вечером. Интересно, вернется ли Эсси в том виде, в котором была со мной. Наверное, стоит спросить об этом Виктора. Он-то знает, как бросать человека, отсекая практически все концы.

– Ты уверен, что она не вернется? – с опаской спросил Марк.

– Не знаю, мне кажется, что да.

– Ты бы знал, как я счастлив.

– Представляю.

В какой-то момент мне невыносимо захотелось покурить, и я вышел на утепленную лоджию. Сегодня Марк был непривычно молчалив. Изредка что-то спрашивал, но в основном он просто сверлил меня взглядом. Вот сейчас, например, я чувствую, как он ненароком проделал таким образом мне дырку в спине. Наверное, Марк теперь понятия не имел, как строить со мной диалог. Я его прекрасно понимал. Казалось, что привыкнуть к исчезновению Эсси ему было сложнее, чем мне. Конечно, ведь она была плодом моего воображения, не Марка.

Я ногой отодвинул денежное дерево в сторону и раскрыл окно нараспашку. Не сказать, что передо мной открылся потрясающий или, наоборот, отвратительный вид. Такое случается только в книгах и в фильмах каждый раз, когда там открывают окна. В моем же случае передо мной расстилось самое обыкновенное спортивное ядро местной школы, по колено поросшее травой. Справа стоял частный детский садик, а слева ввысь стремилась многоэтажка. Фасад в желто-зеленых тонах напоминал маску главного героя из фильма “Пипец”. Я снова вслух засмеялся и сбросил окурок на парня, который копошился с фонариком в кустах за гаражом.

Ближе к ночи мы с Марком напились, весело обсуждая наши школьные годы. Мы с теплотой вспоминали наших учителей, одноклассников и первую школьную любовь. Ну, или влюбленность. Не забыли упомянуть и Диану, покорительницу соснового бора.

К трем часам передо мной плавно покачивался журнальный столик, на котором стояло по меньшей мере с десяток пивных стеклянных бутылок. Он ритмично наклонялся то влево, то вправо и напоминал величественный фрегат с экипажем. Каждый из десяти моряков был, как на подбор. Высокие и крепкие снаружи, но абсолютно пустые внутри. Кажется, море их истощило до капли. Вернее, это сделали мы с Марком.

Прошел час прежде, чем я сказал:

– Это она истощила меня.

– Эсси?

– Девятая бутылка! – бросил я и, сломя голову, побежал в туалет, чтобы избавиться от лишней еды и желчи.

Поднялся сильный ветер, и весь пепел, оставленный мной на водоотливе, разлетелся по четырем сторонам света. Мы же лежали на широком разложенном диване в теплой безветренной гостиной и плевали мыслями в потолок. Я был очень общителен и старался предлагать как можно больше тем для разговоров. Все это предпринималось только с одной целью. Лишь бы Марк не успевал затронуть то, что наверняка хотел. Я проповедовал ему стоицизм и трактаты Луция Сенеки, Марк рассказывал мне самый сок из философии Аристотеля и Пифагора.

Как только наступала секундная тишина, я умело генерировал вопросы из разряда:

– Слушай, брюнетки или все-таки блондинки?

– Предпочитаю лысых.

Марк намерено стал коротко отвечать на вопросы, чтобы таким образом медленно подобраться к истине, которая так тревожило его с самого начала дня.

– Тео, почему ты перестал верить в Эсси?

Он плюнул этим вопросом уже не в потолок, а мне в лицо.

– Не могу знать.

– Тяжело об этом думать?

– Это мягко сказано.

– Тогда почему поверил?

Я мысленно открыл свою больничную карту и начал ее листать от корки до корки. Вспомнил о неконтролируемой болезни по имени Вивиана. Штамм Юнис не был летальным, но, по всей видимости, стал фоновым и хроническим. Дора, которая лечилась лишь при помощи хирургического вмешательства. Ирен была маленьким, но острым заболеванием. Сара имела повышенный шанс летального исхода, но и ее я смог перебороть. Я пролистал по меньшей мере еще пять болезней, которые корням уходили в далекое прошлое.

– Наверное, я хотел перестать бояться любить.

Проснувшись с небольшим утренним похмельем, я собрал свои вещи и покинул Марка, пока тот спал. Из его квартиры всегда было проще простого сбежать незамеченным, так как входная дверь предусмотрительно защелкивалась на замок с внешней стороны. Интересно, что он делает, когда забывает ключи дома. Наверное, секрет Марк заключался в том, что он их просто не забывал.

Я сел на автобус и проехался до конечной остановки. Пока шел к следующему пункту своего временного назначения, я обнаружил картину, от которой невыносимо становилось грустно. Торговая палатка из металлических стержней и тента мертвым грузом лежала на асфальте. Судя по всему, вчерашний ветер смолотил ее, не моргнув и глазом. Каждый из стержней был погнут в двух, а то и трех местах. Тент разорван в клочья. Женская верхняя одежда лежала на дороге, как мягкий и пушистый ковер.

Я с осторожностью перешагивал через каждый товар, стараясь не вступить в пальто. Я и без того достаточно долго находился в чужой шкуре. Представив лицо владельца торговой точки, который придет через несколько часов, я поник еще сильнее.

Пройдя несколько метров и свернув во дворы, я начал шагать по совершенно другому ковру. Наступать в него было не

так страшно, так как он был шит из уже выкуренных сигарет. Я открыл ключом подъездную дверь и стал пробираться к лифту сквозь плотный и смердящий мрак. Лифт, к слову, был очень современным. Он имел просторную кабину, высокое зеркало и огромный легкие кнопки этажей на панели управления. Также имелось и голосовое сопровождение.

– Второй. Этаж. – мягко, но четко проговорила девушка с приятным голосом.

– Спасибо.

Мало ли я не заметил крупное табло с цифрой “2” над лифтовым порталом. Может я вообще забыл, на какой этаж и с какой целью только что поднимался. Конечно, мне стоило поблагодарить девушку за то, что она смогла сориентировать меня в этом темном подъезде. Даже несмотря на то, что ее в принципе не существовало.

Я неторопливо шел по коридору второго этажа, в котором по какой-то причине также не горел свет. Бабушки жили-были в квартире под восьмым номером. Седьмая квартира была опечатана. В ней недавно умерла еще более старенькая соседка, которая жила там одна. В какой-то степени я был финансово связан с ней до этого момента. Оформив опеку над пожилым человеком, я стал получать тысяча двести рублей в месяц. Тысяча шла ей, двести – мне. Прошло чуть больше месяца с того момента, как ее не стало. Этого вполне хватило, чтобы напрочь забыть ее имя, но до сих пор помнить размер компенсации за уход над восьмидесятилет-

ней старушкой.

Восьмая квартира имела толстую бронированную дверь с шумоизоляционной прослойкой. Как мне сказала бабушка, это было сделано неспроста. Могучий щит был поставлен с целью обезопасить себя от соседей из девятой квартиры. В ней жила большая семья алкоголиков, которая могла начать буяннить, стоило им только выйти за порог.

Девятка на их двери частично оторвалась и болталась на ней вверх ногами, образуя шестерку. Такой символизм как бы намекал на то, что в их экосистеме все обязательно шло вверх дном и не так, как у всех.

Я открыл бронированную дверь, затем толкнул вторую – деревянную, которая никогда не была заперта.

– Проходи скорее! – обрадованно крикнула бабушка, не отрываясь от своих кулинарных забот.

Сбросив свои вещи в коридоре, я приоткрыл дверь в спальню прабабушки и обнаружил там вовсе не привычную картину. Она сидела за столом и, по всей видимости, что-то увлеченно читала.

– Здравствуйте, Тео! – перебила меня прабабушка сразу после того, как я протянул ей руку.

– Здравствуйте... Погоди, ты меня запомнила?

Она довольным взглядом посмотрела на меня.

– Конечно! Ха-ха-ха! Ты – это ты и никто другой, – засмеялась прабабушка.

– Что верно, то верно, – тихо сказал я.

Я присел на мягкое кресло и позволил себе немного расслабиться в лучах солнца. Оно светило так ярко, словно эта комната полностью принадлежала ему.

– Ты читаешь теперь?

– Да, читаю.

– Это полезно. Что за книга?

– Не знаю. Читаю, что попадется. Ха-ха-ха.

По телевизору транслировали запись концерта в знакомом мне зале городской филармонии. За фортепиано сидел парень высокого роста в голубом вельветовом костюме. Звук телевизора был выключен, поэтому становилось неясно, что именно он играет. Яркий образ исполнителя позволял предполагать, что он исполняет “Life On Mars?” или что-то подобное. Но нет. Я точно знал, кто это и что входило в его репертуар.

– Ох и нравится мне этот молодой человек! – восхищенно нарушила тишину прабабушка.

– Ты его знаешь?

– Давно по телевизору вижу! С весны так точно!

– Твоя память меня поражает, бабуль.

Она отвлеклась от чтения и включила звук на телевизоре. Мне заложило уши от непривычно низкого мужского исполнения песни “Eet”. Парень плавно двигал головой в такт музыке и играл вслепую. Длинные волосы цвета шатен перекрывали ему весь обзор, но никак не мешали виртуозной игре на фортепиано.

Мне предстояло привыкнуть к тому, что все это время на сцене филармонии был и скорее всего будет Тео. Пока что я сильно тосковал по Эсси и ее выступлениям. Еще совсем недавно она, в моем понимании, сидела за фортепиано и тихонько репетировала строчки этой песни. Звучали они именно так, как и протягивал с телевизора парень в голубом костюме:

Все равно что забыть слова любимой песни –

Ты не можешь в это поверить, ведь ты всегда ей подпевал.

Это было так просто.

Но теперь ты не можешь вспомнить и пытаешься шевелить ногой в поисках ритма.

Вивиана кивнула головой и слабо, но искренне улыбнулась.

– Давно пора. Сам, наверное, понимаешь? – сказала она.

Я неохотно кивнул в ответ. Советский плед лежал у меня на коленях, пока я сам сидел на диване в комнате для персонала. Комментировать свое решение об увольнении мне не хватало сил. Я любил книжный магазин даже с учетом того, что он никак не мог предоставить мне хорошую заработную плату. Было жаль расставаться с размеренным трудом работника сферы обслуживания и с Вивианой.

Более понимающее руководство представить попросту невозможно. Она всегда могла пойти навстречу и отпустить меня пораньше с работы при необходимости. Вивиана привыкла ко мне и знала, что я не стану злоупотреблять подобным отношением с ее стороны. Бывало, что мне приходилось брать внеплановый выходной на весь день, а то и на неделю. Она понимающе улыбалась и всегда говорила:

– Ну, сделаем выходной в магазине. Никто не загнется от одного дня без книжки!

Теперь же мне казалось, что я наверняка загнусь без “Ремарки”. Вивиана сама была не в восторге от такого решения, но полностью разделяла его, поэтому старалась всеми силами не показывать мне своего огорчения. Она стояла напро-

тив меня, прислонив свою высоченную фигуру к обеденному столу, и любовалась красным спелым закатом. Я молча любовался тем, как остатки солнечного света мягко ложились на ее лицо, добавляя и без того необычной внешности какой-то совершенно неземной облик. Крупные глаза блестели не то от проявления аллергии, не от навернувшихся слез.

Вивиана достала из кармана кошелек, отсчитала мне часть отработанной зарплаты и положила три купюры в размере тысячи рублей мне на плед. Затем протянула мне свою тонкую, но с виду крепкую руку. Я осторожно пожал ее и собирался уже было уйти. Однако внезапно мне привиделся некий вселенский знак, который я даже не смог визуализировать. Скорее всего то была просто навязчивая мысль. Я вернулся к Вивиане и спросил:

– Какая песня стоит на рингтоне твоего телефона?

– “Samson”. Регина спектор, – недоуменно ответила она.

– Все ясно, спасибо, – отчеканил я и вновь зашагал к выходу.

– Тебе ли не знать, Тео? – сказала Вивиана.

– Что?

– Прекрасное исполнение – вот, что я хочу тебе сказать, – ответила она и почтительно кивнула головой в знак уважения.

Я ответил ей тем же и окончательно покинул книжный магазин “Ремарка” с пледом наперевес.

Овальной вывеске парка “Черепашка” было по меньшей мере десять лет. Краска на ней обгорела и сильно потрескалась таким образом, что стала напоминать строгий узор на черепашьем панцире. Я прошел сквозь главные ворота и собрался обойти весь парк по периметру, начав движение с левой стороны. Так как он был спроектирован по большей части для детской аудитории, в нем всегда находилось полным-полно детей дошкольного возраста. Вагон и маленькая тележка.

В поисках укромного местечка для перекура я обошел практически весь парк и все же отбросил эту идею. Воздух в нем был невинно чистым. В самом деле здесь пахло так, как пахло бы в маленьком детском княжестве. Свежестью, листвою и, возможно, грудным молоком.

Парк имел круглый план, диаметр которого был не более ста метров. Я прошелся до второстепенного входа с другой стороны парка. Он располагался ровно по другой конец сто-метрового диаметра от главного входа.

Присев на скамейку, я начал наблюдать за презентацией человеческого старения, которую мне любезно устроила теория вероятности или министерство вселенских знаков.

Сначала мимо меня проехали совсем маленькие детки на самокатах. Их было шестеро.

Затем гордо прошла небольшая компания подростков, которые по очереди одарили меня своими заинтересованными, но в то же время пренебрежительными взглядами. Они молча плелись под модную музыку. Только две девушки громко спорили о парнях и о том, как стоит себя вести при общении с ними.

– Просто прекрати ему писать! Брось в черный список! – кричала первая. Она шла слева, поэтому назовем ее Эль.

– Зачем мне это делать? – искренне недоумевала Эп, которая шла справа от Эль.

– Ты – дура? Чтобы заставить его переживать, конечно же!

– Мне заняться нечем?!

– Ты должна набивать себе цену, как ты не понимаешь! – отдалялся голос Эль.

Я проводил компанию взглядом и обратился к своему правому полушарию.

– Эй, что скажешь, Эп?

В ответ я услышал только тишину, что меня несказанно обрадовало. Я продолжил наблюдать за сменой поколений. Теперь, судя по кольцам на безымянных пальцах, мимо меня неторопливо проходила совсем молодая замужняя пара. В нескольких метрах позади них семенила старушка в голубом платке.

Интересно, Эсси навсегда осталась бы молодой девушкой или со временем начала бы стареть для пущей убедительности? Наверное, мне стоило бы прекратить думать о ней.

Солнце начало заваливаться куда-то на запад, и у главных ворот уже сгустились сумерки. Всего пара минут и они, ба-совито насвистывая “Please Please Me”, войдут на территорию парка “Черепашка” со своими сумеречными детками.

За второстепенными воротами уставшее за день солнце ярко-желтым свечением освещало территорию вне парка. С каждой секундой оно все больше проваливалось в сон и слабело. Солнце шепотом умоляло меня, как можно скорее убежать из “Черепашки” и последовать за ним.

Признаться честно, у меня не было на то никаких причин. Большая часть посетителей парка начала расходиться, но я готов был остаться здесь один хоть на всю ночь. Хоть на всю жизнь в этом маленьком сумеречном княжестве. Я так думал, пока не увидел технологический рудимент за пределами парка. Прямо за второстепенными воротами стояла темная телефонная будка. Встав со скамьи, я пошел к выходу из парка. Солнце последними лучами ласково потрепало меня по волосам и со спокойной душой приготовилось ко сну.

Стоило мне только войти в телефонную будку, как сразу же зазвонил старенький ржавый аппарат. Я знал, что это Эсси изо всех сил старалась выполнить свое обещание. Сняв трубку с аппарата, я оставил болтаться ее на проводе. Теперь Эсси качалась из стороны в сторону, задевая стенки телефонной будки. Звон не прекращался.

Сев на пол, я начал в панике копошиться в карманах. Во внутренней секции легкой ветровки обнаружил заветный

ключок бумаги. Я судорожно набирал номер, указанный на листке. После этого я несколько раз перепроверил цифры. Чужой голос был бы для меня невыносим. Только тот, кому принадлежит записанный номер, может мне помочь.

Звон аппарата затих с первым гудком настоящего рабочего телефона. Второй гудок остановил дикий шум в голове. На третьем гудке я вновь оказался посреди одинокого песчаного острова. Четвертый гудок вырастил на нем пальму, и Юнис взяла трубку.

– Тео?

Фоном гремели пивные бокалы и отчетливо был слышен смелый голос Марка. Он кричал на перебравших посетителей бара “151А”

Я не знал, что ответить ей. Мягкий голос девушки впервые за долгое время звучал громко и отчетливо. Казалось, что я только что выплыл из воды и вновь начал хорошо слышать после жуткого давления в глубинах океана.

– Тео? Почему ты молчишь?

В нескольких сантиметрах от меня болталась трубка телефонного аппарата. Я смотрел на нее так же, как рыба смотрит на рыболовной крючок. Стоило только потянуть за ленточку и заговорить с Юнис. Но разве нас хоть что-то связывало?

– Прием! Земля вызывает майора Тео! – нетерпеливо отозвался ее голос в трубке.

– Я что, в космосе по-твоему?

– Не знаю, но...

Произнеся это вслух, я внезапно вспомнил, что нас связывало с Юнис все это время. В Москве я совсем забыл о второй теме, которая растворилась во вселенной, вылетев в открытое окно бара “151А” июльским вечером. Прокрутив в голове слова Юнис, чтобы не ошибиться в формулировке этой темы, я набрал побольше воздуха в легкие.

– Я соскучился.

Почувствовав знакомый жар в груди, я также добавил:

– Фу-у-ух.